

Анна
ГОРДЕЕВА

Манускрипт
между нами

Нас закрыли. О нас забыли. Это мой шанс!

Алиса Гордеева

Минуты между нами

«Автор»

2024

Гордеева А.

Минуты между нами / А. Гордеева — «Автор», 2024

Данила Кротов — звезда выпускного класса, наглый красавчик и заноза в одном месте. Я же простая тихоня, зубрилка, «серая мышь». Неудивительно, что Даня не замечает моих взглядов и изо дня в день равнодушно проходит мимо. Лера Ильина для него никогда не существовала. Зато весь мой мир вертится вокруг Кротова, точнее, вокруг безумной ненависти к нему. И однажды я сломаю этого парня, чего бы мне это ни стоило! Глупая игра. Простые правила. Две минуты наедине. Нас закрыли. О нас забыли. Мне выпал шанс отомстить, и я его не упущу!

© Гордеева А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Сочинение	5
Глава 2. Ну где ты?	9
Глава 3. Поганный день	14
Глава 4. Моя реальность	20
Глава 5. Четверг. Чулки. Честность.	27
Глава 6. Не по плану	36
Глава 7. Предатель	42
Глава 8. Клоун	47
Глава 9. Всегда сворачивай направо!	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алиса Гордеева

Минуты между нами

Глава 1. Сочинение

Лера

Первый ряд... Последняя парта... Место у окна... Я по привычке прихожу в класс раньше всех и, спрятавшись от мира за черным капюшоном толстовки, смотрю в пустоту.

«Я ненавижу школу», – мигает на экране смартфона вместо обычного поздравления с Днем знаний. Нажимаю «Отправить» и снова притворяюсь невидимкой в собственном классе.

«Я ненавижу жизнь, и ничего – живу». – Ответ от Джокера прилетает мгновенно.

Ухмыляюсь, на миг вынырнув из душного кокона. Равнодушным взглядом обвожу кабинет русского языка и литературы и откровенно хмурюсь при виде взбудораженных лиц одноклассников. И почему летние каникулы не могут длиться вечно?!

«Ты не понимаешь!» – набираю в ответ своему единственному в этом мире другу, добавив к короткой фразе эмодзи с мордашкой грустного котика, а потом снова отворачиваюсь к окну: созерцать притворные улыбки на лицах повзрослевших парней и размалеванных девочек до омерзения тошно. Только глупцы могут радоваться началу учебного года – я не из их числа!

«Так объясни!» – требует Джокер, не скупясь на смайлики. Наивный! Он просто не знает, что такое «школа»! Прикованный к инвалидной коляске и напрочь лишенный слуха, он только и может, что раздавать глупые советы, оторванные от реальности!

«Ты все равно не поймешь!» – рывкаю буквами и, спрятав мобильный в рюкзак, отсчитываю секунды до первого в этом учебном году звонка на урок. Раз, два, три... Бр-р!

– Одиннадцатый «А», внимание!

Маргарита Сергеевна пару раз звонко хлопает в ладоши, чтобы мы обратили на нее внимание, и принимается что-то выводить на доске аккуратным почерком.

– Тема сочинения... – приговаривает, не выпуская из рук мел.

– «Как я провел лето»? – бесцеремонно вставляет свои «пять копеек» Даня Кротов, а класс вполне ожидаемо подхватывает его глупый выпад чередой смешков.

– А что? Я не против! – Данила вальяжно раскидывается на стуле, явно перепутав помещение лица с дешевой забегаловкой. – Только боюсь, Маргарита Сергеевна, у вас щеки заалеют читать о моих похождениях!

Стоит ли говорить, что после заявления Кротова класс окончательно ложится на парты со смеху, а щеки молодой учительницы авансом заливает краской.

– Даня, а дашь и мне почитать? – закусив кончик авторучки, игриво лепечет Ульяна Громова – девушка Дани и по совместительству местная Барби с модельной внешностью и мозгами кокер-спаниеля. Хотя с последним я бы поспорила: братья наши меньшие порой ведут себя куда разумнее Громовой!

Впрочем, глупее брошенных Улей слов становится только ее влюбленный взгляд, обращенный к Дане. Пустоголовая кукла словно не замечает элементарных вещей: Кротов – это исчадие ада, черствый, самовлюбленный кретин с очаровательной улыбкой и камнем вместо сердца! У него даже глаза и те сияют всеми оттенками замерзшей лужи, а голос пропитан арктической стужей и царапает похлеще острой льдинки.

– А разве у вас не одно сочинение на двоих? – тут же оживляется Егор, сосед Кротова по парте. Смахнув белокурую челку с очаровательных голубых глаз, он по-дружески подталкивает Данилу в плечо. И пока Кротов закатывает к потолку дебильный взгляд, Егор оборачивается

к Уле: – Что, Громова, смазливой мордашки не хватило, чтобы удержать возле себя нашего Даньку?

– Завали, Лихачев! Тебя забыли спросить! – надув пухлые губки, фыркает Ульяна. – А вообще у нас с Даней всё серьезно! Правда, Кротик?

Здесь уже даже я, не удержавшись, хмыкаю. Нет, конечно, ласково-идиотское «Кротик» проходится кусочком масла по моей воспаленной ненависти к Дане, но и сама абсурдность ситуации знатно веселит: это только в безмозглую голову Громовой могла прийти мысль выяснять отношения при всем классе, да еще и во время урока.

– У нас свободная любовь, детка! Ты не забыла? – не глядя в сторону Ули, развязно мычит Данила, и пока Громова растерянно хлопает ресничками, он небрежно закидывает руку на плечо друга и добавляет во всеуслышание: – Егорыч, тебе ли знать, каким жарким выдалось это лето!

– О! Е-е! – неприлично громко стонет Лихачев, сдувая со лба непослушную челку, а класс, как стадо баранов, снова заходится в диком смехе.

– Довольно! – наконец прорезается сквозь разнузданный гомон почти сорванный голос Маргариты Сергеевны.

Позабыв о тряпке, она рукой стирает все, что успела написать на доске, и с видом разъяренного быка оборачивается к нам.

– Кротов, Громова, Лихачев – дневники на стол! Остальные записываем тему сочинения: «Глядя на себя в зеркало, я думаю...».

– Раз уж мне по-любому светит замечание... – Первым поднимается с места Егор и, прихватив с парты помимо своего дневника еще и Данин, уверенными шагами направляется к учительскому столу. – Я вам, Маргарита Сергеевна, скажу прямо: тема для части нашего класса неподъемная.

– И отчего же? – Нахмурившись, учительница с недоверием смотрит на него.

В отличие от меня Маргарита Сергеевна никогда не любила Егора. Придираться к нему по мелочам – ее хобби. За любую провинность – замечание в дневник! А сколько раз она снижала ему оценки за сущие пустяки! То стихотворение Егор прочитает не так, то его запятая похожа на точку, то почерк слишком мелкий... И пусть Лихачев всегда обращает в шутку все ее придирки, я вижу, как ему бывает больно и обидно в такие моменты. Вот и на этот раз меня прямо-таки распирает от желания заступиться за Егора: вскочить со своей последней парты и сказать, что он ни при чем, что в очередной раз ему досталось незаслуженно, а виноват во всем Кротов. Но я молчу, как и всегда. Да и кто станет слушать меня, Леру Ильину – невзрачную невидимку без права голоса?

– Сами посудите, – между тем обреченно вздыхает Лихачев и, бросив на учительский стол дневники, поворачивается к классу. – Громовой, например, думать не дано от рождения, а Ильина и вовсе в зеркало никогда не смотрелась. Правда, Лерка?

Под лающие звуки одобрительного смеха Егор мельком проходится по мне уничижительным взглядом. Ничего необычного! Я давно привыкла быть девочкой для битья. Но в этот раз отчего-то становится невыносимо больно: всегда грустно, когда твои трепетные чувства натываются на равнодушную глыбу из камня. Впрочем, Егор никогда и не обещал мне любви или даже дружбы, а его неприязнь ко мне – заслуга Кротова, только и всего!

– Сдаём работы! Ильина, не спим!

Вздрогнув от резкого замечания Маргариты Сергеевны, я наспех скидываю вещи в рюкзак и по привычке натягиваю капюшон. В своих размышлениях о Егоре я и не заметила, как прозвенел звонок и почти полностью опустел класс, а значит, под шумок со всеми сбежать уже не получится. Вот только вместо сочинения у меня пустой лист, и, видимо, этот учебный год я начну с жирной двойки по профильному предмету.

– До свидания, Маргарита Сергеевна!

Улучив момент, я всё же пытаюсь улизнуть, но куда там!

– Лера! Работа твоя где?! – командным тоном тормозит меня у порога учительница.

– Я... я... сейчас... – Возвращаюсь, поджав хвост. Делаю вид, что копаюсь в рюкзаке, и что есть силы тяну время до конца перемены. Получать «неуд» за сочинение, когда твоя мать – декан в универе, а отец – журналист года, как минимум странно. Да и никогда раньше проблем с учёбой у меня не возникало.

– Лера, я жду. – Маргарита Сергеевна исподлобья наблюдает за моими тщетными поисками.

Понимаю, что должна сознаться. Тем более у меня веская причина: я никогда, со слов Егора, не смотрела на себя в зеркало. Но что-то мне подсказывает: от двойки это меня не спасёт.

– Маргарита Сергеевна! – Бася на всю округу, в кабинет возвращается Егор. – Вы нам дневники так и не отдали! – напоминает он и бодрой походкой спешит к учительскому столу.

В нос ударяет терпкий аромат модной туалетной воды, а дурацкий рюкзак выскальзывает из рук: я всегда волнуюсь, когда Егор бывает так близко.

– Ильина, ты в своём репертуаре, – ухмыляется Лихачёв и, присев на корточки, помогает мне собрать вещи с пола.

– И чего ты вечно такая неуклюжая, а, Лер? – Егор суёт мне в руки стопку тетрадей, а я становлюсь не умнее Громовой, зависая в бирюзово-прохладном сиянии его глаз.

– Дуешься? – совершенно неверно трактует мою реакцию Егор и, выдернув из онемевших от волнения пальцев рюкзак, сам засовывает тетради на место. – Да ладно тебе! Не бери в голову. Сама знаешь, я порой несу всякую чушь.

Лихачёв игриво подмигивает мне, а я забываю сделать вдох. На автопилоте киваю и чувствую, как предательская краснота пятнами расплзается по лицу. Судорожно подбираю слова, но язык будто онемел, распух, как от укуса пчелы. Только и могу, что глупо хлопать глазами. Егор же хватает со стола дневники и уходит.

– Лера, у тебя всё хорошо? – интересуется Маргарита Сергеевна.

– Да, – отвечаю, продолжая смотреть вслед удаляющейся фигуре Егора, а потом и сама срываюсь с места и несусь прочь: я зависима от терпкого послевкусия Лихачёва.

– Сочинение, Ильина! – бурчит в спину Маргарита Сергеевна.

– Я его не написала! Ставьте «два»! – отвечаю на бегу, совершенно не думая о последствиях.

Я почти нагоняю Егора, но внезапно из-за угла выныривает Кротов. Небрежно закинув свою лапищу на плечо простившей его Ульяны, Данила со скучающим видом забирает дневник.

– И чего так долго?

– Да так! – лениво отмахивается Лихачёв, а потом смеётся, заметив меня неподалёку. – В кабинете русского пробки!

А я снова зависаю. Егору идёт улыбка! Особенно такая – искренняя, добрая. Так и хочется улыбнуться в ответ.

– Чего уставилась, Ильина? – наматывая на указательный палец прядь чёрных, как смоль, волос, писклявым голоском выбивает меня из равновесия Уля.

Молча мотаю головой, порываясь уйти. Мне не нужны разборки с Громовой, да и вообще пора на алгебру, но ноги отчего-то словно прилипли к полу.

– Иди, куда шла! – поддакивает своей подружке Данила и противно так скалится.

Ненавижу его! Грубый, неотёсанный, подлый! Такое чувство, что все пороки мира Создатель ради нелепого эксперимента запихнул в одного человека и наградил того тупой фамилией Кротов.

– Да ладно вам! Забейте! – пытается обратить всё в шутку Егор, а мне бы не помешало разбудить в себе инстинкт самосохранения, но я продолжаю стоять.

Поджав губы, с ненавистью смотрю на Данилу. Если бы не он, я не была бы такой жалкой и одинокой в свои семнадцать.

– Иди давай! – брызжет слюной Кротов и дневником, как поганой метлой, подмахивает, чтоб убиралась куда подальше.

– Вот-вот! – жмётся к подонку Громова, с брезгливой жалостью скользя по мне взглядом. – Ещё не хватало, чтобы каждая крыса тут уши свои грела! Проваливай, Ильина! Общество нормальных людей не для тебя!

– Да чего вы к ней привязались?! – Сдув со лба непослушную чёлку, Егор закатывает глаза. – Тоска зелёная! Это ж Ильина! Пошлите лучше в столовую. Ещё успеем!

Как по велению волшебной палочки, интерес к моей персоне моментально сменяется голодным блеском в глазах Кротова и прокисшей физиономией Ули.

– А пошли! – голосит Данила и разворачивается на пятках в сторону школьного общепита.

– Фу-у! – тянет в руках парня Ульяна. – Опять потом от одежды ватрушками будет пахнуть.

– Громова! – хохочет Егор, проходя мимо меня. – Ты можешь остаться с Ильиной. Мы и без тебя пиццу слопаем!

Втягиваю носом уже знакомые нотки терпкого парфюма и улыбаюсь: как ни крути, Егор – самый лучший парень на Земле!

– Не-е, – спешит отравить собой пространство вокруг меня Кротов. – Лучше ватрушками, Уль, чем Леркиной плесенью. Чувешь? Фу-у! – Он наигранно машет ладонью перед носом.

– И правда. – Прежде чем уйти с парнями, Громова бросает на меня победный взгляд. – Ильина, от тебя ж воняет тухлым чесноком! Я и забыла!

Прикрываю глаза, чтобы не разреветься, а потом, наплевав на алгебру, бегу в библиотеку. Схватив с полки первую попавшуюся книгу, забиваюсь в дальний угол читального зала и достаю телефон.

Lera [02.09 10:43]: Как же я его ненавижу!

Joker [02.09 10:44]: О! Я смотрю, Клоун проигнорировал твои проклятия и за всё лето так и не стал завтраком для африканского крокодила?

Lera [02.09 10:44]: Не смешно!

Joker [02.09 10:45]: Рассказывай, что на этот раз?

Lera: пишет...

Глава 2. Ну где ты?

Лера

В сотый раз бросаю взгляд на экран смартфона в ожидании зелёного огонька напротив имени Джокера, но тот раздражает своим серым. И где его только носит, когда он так нужен?!

– Милая, ужин готов! – доносится с кухни голос мамы, но я прикидываюсь глухонемой и продолжаю крутиться возле зеркала.

Я должна завтра сдать сочинение, но в голову ничего не идёт! Всё, что я вижу в отражении – это «серую мышь» с невыразительным взглядом и дурацкими веснушками на носу. О чём тут писать? Я некрасивая, тощая, высокая, нескладная – одним словом, каланча. Зато волосы у меня короткие, едва доходят до плеч. Я обстригла их прошлым летом назло маме, которая ни в какую не хотела признавать, что родила уродину! Помню, она долго плакала над моими косичками, которые мы бережно растили с детского сада, а потом успокоилась и снова начала мне втирать, что я красавица, просто сама ни черта не вижу! Ну-ну! Такая я очаровательная, что Егор мимо проходит и слюни пускает на Машку Голубеву, а не на меня.

– Лера! Ужин стынет! – И снова мама. Она специально вернулась сегодня пораньше и битых два часа что-то готовила на кухне. Судя по запаху, на столе красуется моё любимое жаркое из индейки. Впрочем, какая разница? Я всё равно не выйду!

– Я не хочу есть! – ору в ответ. – Ужинайте без меня!

Сжимаю кулаки, чтоб не разреветься. Мне противно смотреть на себя в зеркало. Нет, не так: мне очень грустно и обидно! Быть гадким утёнком среди прекрасных лебедей невыносимо, но ещё печальнее, что я ничего не могу изменить! Даже если с возрастом я сделаю пластику носа и увеличу грудь, всё равно навсегда останусь дылдой с замыленным взглядом и ненавистью к своему отражению.

– Джокер! – хватаю в руки мобильный и заваливаю с гаджетом на кровать. – Ну где тебя черти носят?! – тихо вою, сходя с ума от одиночества.

Мы познакомились полгода назад, случайно, в одной из киношных групп в социальной сети. Мы тогда кардинально разошлись во мнении относительно нового фильма с участием Джейка Джилленхола и спорили о нём взахлёб несколько ночей подряд. Джокер так рьяно боролся за своё мнение, что, казалось, и вовсе говорил о другом фильме. Уже потом, спустя время, я поняла, что парень мог только видеть игру актёров, но о чём шла речь, ему оставалось догадываться. А потому и понимание фильмов у него всегда было своё – удивительное, неповторимое, честное.

Именно честность и подкупает меня в общении с Джокером. Рядом с ним мне больше не нужно притворяться, подбирать слова, краснеть за прошлое и опускать глаза при встрече. Мы часами напролёт можем болтать обо всём на свете, и теперь я знаю, что в моей жизни есть человек, готовый меня выслушать и понять – без нудных нотаций и взглядов свысока. А ещё он не предаст, как остальные. На этот случай мы подстраховались оба: никаких настоящих имён, никаких фотографий, явок и паролей – только буквы и наши мысли онлайн.

– Лерунчик... – В комнату без стука заглядывает отец. – У тебя всё хорошо, принцесса?

– Па! – рывкнув в ответ, резко вскакиваю с кровати. – А если бы я была не одета? Ты почему врываешься без спроса?!

– Прости, родная! – Отец театрально прикрывает руками глаза и виновато мотает головой. – Я всё время забываю, что ты уже взрослая.

– Ладно. – Кутаюсь в толстовку, как в мантию-невидимку. – Чего ты хотел?

Папа тут же открывает глаза и улыбается. Скрестив на груди руки и привалившись спиной к дверному косяку, он принимается разглядывать мою комнату, как уникальную экспозицию в музее.

– Па, я жду! – фыркаю недовольным ёжиком, поторапливая его.

– Как прошёл твой день? – неспешно начинает отец, а я нарочито шумно вздыхаю: беседы с предками по душам не входили в мои планы.

– Нормально, – отвечаю односложно и жду, когда отец решит оставить меня в покое.

– Чего нового в школе? – не понимает намёков старик.

Поправив на носу тонкую оправу очков, он останавливает взгляд на дверце бельевого шкафа, на которой нетронутым висит новый комплект школьной формы: пудрового цвета блузка и приталенный сарафан в строгую клетку. Мать всё лето бегала по портным в надежде приучить меня к деловому стилю одежды. Только зря! Я ни за что не откажусь от свободных джинсов и своей бесформенной толстовки.

– Ничего, – переключая внимание папы на себя. – Те же классы, учителя, домашка...

– А ребята? Как встретили?

– Нормально, – поджимаю губы. – Что-то ещё? Или на этом допрос закончен?

– Зачем ты всё время притворяешься кактусом, Лерка? – насмешливо произносит папа. Жаль, но его вопрос явно не тянет на шутку года!

– Ты у меня совсем не такая! Я-то знаю, дочка... – немного растерянно добавляет он.

– Па, если на этом всё, то я хотела бы остаться одна!

Меня бесит его привычка вечно ковыряться в моей душе, когда не просят!

– Ладно, принцесса, отдыхай! – Папа неловко почёсывает подбородок и на глазах сникает. Давит на жалость? Бесполезно! Лучше бы просто закрыл за собой дверь.

– Мать оставила тебе ужин на столе, – продолжает раздражать своим присутствием папа. – Жаркое с индейкой. Твоё любимое.

– Я же сказала, что не голодна!

– Мы слышали, Лер, – задумчиво кивает отец и, развернувшись уже хочет уйти, но внезапно останавливается.

– Мать для тебя старалась.

Очередная попытка, и снова мимо.

– Я её об этом не просила!

– Знаю, – хмыкает он, разглядывая свои тёмно-синие тапки. – О любви и не просят, дочь. Бесполезно. Она либо есть, либо нет.

– Я и тебя, и маму тоже люблю! – раздражённо пыхчу, цепляясь за своё отражение в зеркале. Интересно, будь у меня другой отец или мать, я уродилась бы такой же дурнушкой, как сейчас?

– Здорово, Лер, – бурчит себе под нос папа, а потом уходит – тихо, молча, понуро. А меня накрывает волной раздражения! И почему после нашего с отцом разговора так погано на душе?!

Время в четырёх стенах тянется медленно и нудно, как жвачка на морозе. Раньше от скуки меня спасали хорошие книги, ещё раньше – занятия в акробатической секции. Сейчас в моей жизни остался только Джокер. Но сегодня и ему совершенно точно не до меня.

Lera [02.09 20:37]: Ну где ты? Только не говори, что обиделся!

Lera [02.09 21:09]: Ладно, прости, если что! Не дуйся больше!

Lera [02.09 21:48]: Мне без тебя совсем паршиво. Хотя бы маякни, что жив, чёрт побери!

Ломаю голову, куда парень мог запропасться! После аварии, которая пару лет назад разрушила его судьбу, Джокер двадцать четыре на семь безвылазно сидит в своей спальне на втором этаже огромного дома в крошечном одиночестве и постоянной тишине. Он пропускает мои сообщения только в двух случаях: если мать вытаскивает его на прогулку (но это бывает настолько редко, что и в расчёт брать глупо), либо отец тащит его в очередную клинику на

обследование, но тогда Джокер заранее предупреждает, что какое-то время будет недоступен. Да и какие могут быть прогулки и обследования в этот поздний час?

На всякий случай прокручиваю нашу переписку, чтобы убедиться, что ненароком не пропустила его сообщение об отъезде или о неотложных делах. Но снова мимо: здесь только мои причитания о несправедливости бытия. Мне даже становится неловко: к инвалидному креслу прикован Джо, а сетую на жизнь только я...

Джокер сильный, и в этом ещё одна причина, почему я держусь рядом. Я бы так не смогла, сломалась, замкнулась в себе и возненавидела этот мир. А Джокер держится. Мало того, он находит силы еще и меня спасать...

Lera [02.09 22:10]: Чёрт, я волнуюсь за тебя не на шутку! Прошу, ответь!

Взглядом гипнотизирую экран смартфона, но ничего не происходит. Складываю вещи на завтра: учебники, тетради, с трудом накаляканное на отдельном листке сочинение. И вновь упираюсь глазами в мессенджер. Пусто!

Lera [02.09 22:34]: Ну что я должна сделать, чтобы ты вернулся?!

Я снова и снова читаю его старые сообщения. Пытаюсь найти зацепку — бесполезно. Швыряю телефон в дальний угол и как неприкаянная шатаюсь от кровати до шкафа и обратно. Чувствую, как слёзы подкатывают к горлу и что-то ещё — тяжёлое, колючее — противно щекочет за рёбрами. Навязчивое ощущение собственной ненужности накрывает меня с головой. И я не выдерживаю...

— Па...

Засунув мобильный в карман, выскакиваю из комнаты и несусь на кухню. Когда я была маленькой, папа всегда играл со мной в шахматы перед сном. Он говорил, что это отличная возможность освободить голову от дневных забот. Правда, уже года три я упорно пропускаю мимо ушей его предложения. А сейчас... сейчас папы уже нет на кухне...

— Отец решил лечь пораньше, — не оборачиваясь, отвечает мама. Шум воды из крана заглушает её голос. Она так старательно пытается отчистить противень от остатков жаркого, что, кажется, вот-вот протрёт пенной губкой дыру в металле.

— У нас, что, посудомойка сломалась? — Подогнув под себя ногу, сажусь на отцовскую табуретку и понимаю, что хочу есть, а потому взглядом скользя по кухне в поисках чего-нибудь вкусенького.

— Уже как недели две, — качает головой мама.

— А чего мастера не вызовешь? — Хватаю из вазочки крекер, но он сладкий и с кунжутом — гадость!

— Ты серьёзно, Лер? — вспыхивает мама и прямо с губкой в руках оборачивается ко мне. Не замечает, как на пол летят пенные обмылки, а на красивом переднике остаются мокрые следы. — Что с тобой происходит, дочь?

— О чём ты? — Удивлённо изогнув бровь, бросаю надкусанный крекер обратно в вазочку и жду ответа. Но мать не спешит мне ничего объяснять. Она отворачивается к раковине и ещё усерднее начинает тереть дурацкий противень.

— Ма-а! — тяну в недоумении.

— Я всё понимаю. — Она шмыгает носом, хотя, возможно, это просто журчит вода. — Переходный возраст, поиски себя... Но, Лер, так нельзя! Ты закрылась от мира, от нас, от себя... Что дальше?

— Мам, не начинай! — закатываю к потолку взгляд. У матери просто талант портить и без того поганое настроение! — Что опять не так? Это всё из-за дурацкого жаркого? Ну хочешь, я его сейчас съем?

Грохот. Противень так некстати выскальзывает из рук мамы. Очередной всхлип. Теперь точно не показалось. Мама нервно бросает губку и выключает воду. Забыв сполоснуть ладони, она вытирает руки о кухонное полотенце и, сняв передник, спешит уйти.

– Жаркое в холодильнике, – бросает на ходу, но возле порога замирает. Ну, конечно, сейчас начнёт раздавать ЦУ: в какую тарелку положить рагу, какой режим выбрать на микроволновке, и что посуду за собой мне придётся вымыть самой. Но мама качает головой, словно собирается с мыслями, а потом огорошивает меня:

– Я дважды вызывала мастера. Ты дважды ему не открыла, если помнишь.

– Ма... —Бью себя по лбу: мама, и правда, что-то такое говорила, но я отчего-то не придала должного значения её словам.

– Просто открыть дверь и проводить человека на кухню...

– У меня вылетело из головы, только и всего!

– Ты всегда слишком занята, когда дело касается не тебя, верно?

–Я просто забыла! Довольна?

– Спокойной ночи, Лера! – Мама кивает, едва сдерживая слёзы, а потом уходит. – Долго не сиди! Завтра в школу!

Скребу вилкой по тарелке с остывшим рагу. Подумаешь, какой-то мастер! Если он был так нужен, мама могла бы и вернуться пораньше с работы или хотя бы напомнить мне о его визите. Знает же, что в моих наушниках вечно гремит рок. Тут, хочешь не хочешь, пропустишь звонок в дверь. Да и вообще почему я должна разбираться с посудомойкой? Это не моя забота!

Запихиваю в рот ломтик моркови, нехотя пережёвываю его, но почти не чувствую вкуса. Мой внезапно проснувшийся аппетит снова помахал мне ручкой.

Здорово! Просто превосходно! Надеюсь, матери полегчало после того, как все свои проблемы она спихнула на мои плечи!

Отодвинув от себя тарелку, я снова тянусь к телефону, чтобы по привычке обсудить с Джокером дурацкую стычку с матерью, и с горечью вспоминаю, что он недоступен. Сорок девять непрочитанных сообщений. Почти восемь часов тишины...

Меня так и подмывает схватить тарелку с остатками жаркого и с размаху швырнуть её о стену, но я вовремя беру себя в руки.

Lera [02.09 23:11]: Я задыхаюсь! Ты очень нужен мне!

Я уже не жду, что Джокер ответит, но чувствую, как становится легче дышать, когда, бегая пальцами по экранной клавиатуре, я подробно описываю ему свой неудавшийся вечер. Наверно, на то и нужны друзья, чтобы было кому поплакаться в жилетку, когда на душе совсем серо.

Нажимаю «Отправить» и, позабыв убрать за собой недоеденное жаркое, возвращаюсь в спальню. Стягиваю покрывало с кровати, надеваю свою любимую «спальную» футболку до колен, гашу свет и, сжимая в ладони мобильный, ложусь спать. Жить в изоляции и непонимании, видимо, мой крест.

Мне снятся сны, пустые, никчёмные, скучные, а утро не сильно радует проливным дождём за окном и необходимостью снова тащиться в школу. И только восемь непрочитанных сообщений от Джокера заставляют меня улыбнуться... Правда, улыбка медленно сползает с моих губ по мере того, как непрочитанных сообщений становится всё меньше.

Joker [03.09 01:21]: Привет, красотка! Прости, был немного занят!

Joker [03.09 01:22]: Ого, вот это ты настрочила! Мне до утра не прочитать!

Joker [03.09 01:22]: Как там твоё сочинение?

Joker [03.09 01:48]: Ясно... Круто, что не сдалась. А я думал, как таракашка, упадёшь на спинку и начнёшь беспомощно махать лапками.

Joker [03.09 01:49]: Я, к слову, не дулся. Просто возникли проблемы. Вчера, видимо, Марс заглянул в созвездие Стрельца, или как там астрологи изъясняются. Но не только твои старики белены объелись. Мои тоже.

Joker [03.09 01:59]: Я, наверно, не говорил тебе. Но та проклятая авария... Она как раз второго сентября случилась. Отец вёз меня в школу. Меня и Вжика. Брат тогда впервые

уступил мне место спереди. Я казался себе таким взрослым. Ещё бы! Я должен был пойти в восьмой, но вместо этого навеки застрял на втором этаже собственного дома.

Joker [03.09 02:18]: Нет, ты не подумай! Я отца давно простил. Жаль, он сам себя никак не простит.

Joker [03.09 03:24]: Вчера он снова напился. У него ритуал такой: второго сентября превращаться в свинью. Обычно отец крушит мебель, но тут, видимо, решил не останавливаться на достигнутом. Сначала он разгромил гостиную, потом сорвался на матери, а в довершение едва не убил Вжика, попытавшегося вступить за мать. Отец что-то орал, смеялся, когда брат загибался от боли. Я не слышал. Наверно, это к лучшему. Но знаешь, что самое поганое? Я смотрел на всё это со второго этажа и ни хрена не мог изменить.

Joker [03.09 04:01]: Ты ещё можешь, Лер. Ты всё можешь!

Глава 3. Поганный день

Лера

Я не люблю осень! С первых дней сентября погода будто раскисает. Под ногами всё больше опавших листьев, а впереди – сплошная серость. Ну правда! Дожди, слякоть, грязь, потом – холод и первый снег. Я всегда завидовала оптимизму отца: в этом месиве из луж и шуршащей под ногами листвы он каждый год умудряется разглядеть сказку. Я определённо уродилась не в него! Тихая охота, золотые закаты, гербарии – это всё не моё! Но папа словно не понимает, что люди разные, и каждый сентябрь пытается перетащить меня на свою сторону.

– На следующих выходных обещают отличную погоду! – Перестроившись в левый ряд, отец тормозит на перекрёстке и на мгновение оборачивается ко мне. – Что думаешь, Лер? Может, за грибами сгоняем? Дед мне все уши прожужжал, что белых нынче пруд пруди!

– Ты же знаешь, – кручу головой, продолжая смотреть в окно, – я не люблю всё это...

– Бабушка обещала напечь пирогов с капустой, – не слышит меня отец. – В баньку сходим, костерок пожжём, как раньше, а, Лерунь?

– Давайте без меня.

– Лер! – гулко выдыхает отец и трогается с места.

В салоне его авто пахнет ванилью и вселенской тоской. Неужели когда-нибудь и я начну видеть счастье в покосившейся бане и пирожках с капустой? Не приведи Бог!

– Старики скучают, – пожимает плечами папа и сворачивает к школе. – Весной у тебя контрольные и зачёты, летом – дела бесконечные, осенью – хандра. Знаешь, а зима может и не наступить.

– Куда она денется! – ворчу себе под нос и закидываю рюкзак за плечо.

– Зима – никуда. – Отец паркуется с торца здания и снова буравит меня взглядом. – А вот старики не вечные, понимаешь?

– Не начинай, па! – Поджав губы, натягиваю капюшон и тянусь к ручке на дверце, чтобы поскорее сбежать. – Я звонила деду в августе, поздравляла его с юбилеем, да и с бабушкой виделась в начале лета.

– Ну да, – мотает русой шевелюрой отец. – Удачного дня, дочь! – Он перебирает пальцами по рулю и улыбается немного грустно, а может, задумчиво. Впрочем, не важно! Главное – старик отстал от меня со своим деревенским уик-эндом!

– И тебе не скучать! – Выскакиваю из прогретого салона авто в промозглый сентябрь и, не оглянувшись, бегу вдоль высокого забора к входу в школу.

Шум, чей-то смех, бесконечная суета... Я с облегчением выдыхаю, когда пробираюсь сквозь всю эту суматоху к кабинету истории и занимаю свою излюбленную заднюю парту. Спрятавшись от гула одноклассников за капюшоном толстовки, вывожу на полях новенькой тетради абстрактные узоры и беспрестанно думаю о Джо.

За всё утро я так и не смогла найти нужные слова, чтобы ответить ему. Да и что принято говорить в подобных случаях? «Мне жаль», «сочувствую», «понимаю»? Всё мимо! Мне впервые мало нашего онлайн-общения. Хочется всё бросить и сорваться к Джокеру. Обнять его. Дать почувствовать, что он не один. Я рядом! А разве такое словами объяснишь – так, чтобы без пафоса и общих фраз?

– Крот, пасуй! – Дикий возглас Лёши Косолапова сменяется сумасшедшей тряской. Моя несчастная парта трещит и хрустит, когда придурок под два метра ростом с ногами внезапно запрыгивает на неё и начинает скакать, как умалишённый.

Тут же вынырываю из капюшона и ошарашенно смотрю на парня снизу вверх, хватая свои вещи, которые вот-вот вместе с разгромленной партией окажутся на полу.

– Ты что делаешь, чокнутый?! – пытаюсь возмутиться, но мой голос теряется в чужом гоготе и криках.

– Не попадётся! Не попадётся! – кривляется Косолапов, виляя над моим носом своей задницей, как флагом. – Ма-зи-ла! – тянет по слогам, оставляя на столе грязные следы от тракторной подошвы.

– Совсем ополоумел?! – На свою беду, вскакиваю с места в тот самый момент, когда Кротов всё же пасует, и не чем-нибудь, а вонючей кроссовкой, и прямо мне в лоб! Сволочь!

– У-у! – растерянно гудит Лёша, пока в классе повисает минута молчания, а я неистово растираю ушибленное место и проклиная дебилов, вздумавших играть в пионербол грязной обувью.

– Кажись, попал! – хмыкает Кротов, почёсывая затылок.

Ни тебе «прости», ни элементарного «мне очень жаль». В пустых глазах Дани ни грамма раскаяния. На губах – подобие улыбки. Чего ещё можно ждать от бесчувственного ублюдка?

Голос Кротова – как отмашка для всего класса, что всё нормально: шутка удалась, бестолковая игра продолжается. А иначе как объяснить взрыв смеха и победных возгласов? И всем, как обычно, плевать, что мне больно и до слёз обидно...

– Когда большие мальчики играют, «серые мышки» сидят по норкам, Ильина! – хохочет Косолапов и спрыгивает с парты. – Не высовывайся, когда не просят! – с укором обращается он ко мне. – Крот, жди ответку! – как ни в чём не бывало голосит в сторону Дани и, подхватив ботинок, бешеным гамадрилом уносится прочь.

Поджимаю губы и немой рыбой падаю на своё место – тихо, безропотно. Прячу ушибленный лоб за плотной тканью толстовки и с нетерпением жду звонка. Правда, почти не слышу, о чём с упоением битый час рассказывает нам историк – пожилой учитель с проседью в волосах и скрипучим басом. Весь урок я монотонно смотрю на Даню и пытаюсь понять: за что одним в этой жизни позволено всё, а другие вынуждены безвылазно барахтаться в вонючем болоте чужой жестокости?

Lera [03.09 08: 37]: Ты никогда не говорил, что отец вас бьёт?

Joker [03.09 08:38]: Не меня. Только брата.

Lera [03.09 08:39]: Всё равно погано. И часто?

Joker [03.09 08:39]: Часто.

Lera [03.09 08:41]: Зачем? В чём люди вообще находят кайф, причиняя другим боль?

Joker [03.09 08:43]: Не знаю. Отца душит ненависть и собственное бессилие.

Lera [03.09 08:43]: Как можно ненавидеть родного сына?!

Joker [03.09 08:44]: Вжик не родной, а я немогущий. Догоняешь?

Lera [03.09 08:47]: И почему твой брат терпит побои? Можно же обратиться в полицию, опеку, там... не знаю. Да сдачи дать! Не маленький!

Joker [03.09 08:49]: А ты сама много даёшь сдачи, Лер?

Lera [03.09 08:50]: Это другое...

Joker [03.09 08:50]: Разве?

Резиновые уроки кажутся нескончаемыми. Все те же учителя, пройденный ещё в десятом материал, примитивные шутки одноклассников – скука заполняет собой каждую клеточку моей души. Наверно, поэтому радуюсь, когда на сегодня остаётся последний урок – физкультура...

Со спортом я всегда была на «ты». Даже сейчас, когда спортшкола осталась за горизонтом, я продолжаю иногда бегать по утрам и без труда делаю «колесо». А ещё, пожалуй, только на уроках физкультуры я не прячусь от мира за тяжёлым капюшоном и порой даже позволяю себе быть первой.

Вот и в раздевалку я прихожу раньше всех. В считанные секунды меняю джинсы на чёрные бриджи и спортивный топ. Любимую толстовку бросаю на верхнюю полку – не пригодится:

за окном моросит дождь, и, значит, урок пройдёт в зале. Стягиваю волосы в тугой пучок на затылке и стараюсь как можно раньше выйти в коридор. Меня утомляют сплетни, а именно ими и наполняется каждый уголок женской раздевалки, когда мои одноклассницы во главе с Улей собираются вместе.

Разглядывая свои ярко-синие кроссовки, я одиноко стою в самом конце длинного коридора у закрытых дверей спортзала и терпеливо жду начала урока. В отличие от меня остальные ребята начинают вываливаться из раздевалок со звонком, а потому я в полной мере могу насладиться тишиной и своим одиночеством. Вернее, могла бы...

– Кротов, какого лешего ты творишь?! — Зычный голос физрука эхом отражается от стен, а следом в коридор из мужской раздевалки вываливаются двое: взбешённый учитель лет сорока и Даня с неизменно наглым видом, словно все ему тут задолжали по пятое число.

– Я, кажется, предупреждал тебя, Данила! — шипит Иван Палыч и только что за шкуру не тащит Кротова к тренерской. А жаль! Я бы на это посмотрела с удовольствием! — Ещё один косяк, и места в школьной сборной тебе не видать, как собственных ушей.

– Переживу! — снисходительно хмыкает Даня и упирается пятками. И как только терпения у физрука хватает разговаривать с этим невежей?!

– Без универа тоже переживёшь? Или ты, Кротов, за лето внезапно поумнел и планируешь в политех поступить на конкурсной основе?

– Это не ваше дело! — огрызается Даня. — И вообще, я просто забыл форму! Это что, конец света?! — скалится в ответ.

Кротов, и правда, подпирает стену напротив раздевалки в обычных джоггерах тёмно-серого цвета и чёрном трикотажном лонгсливе. Всё бы ничего, но парни на уроках физкультуры беспрестанно играют в футбол, а потому у каждого класса своя форма. У нашего – белосиние шорты и футболки с номерами и фамилиями. Тоже мне, Марадоны и Роналду недоделанные!

– А разве я про форму тебе толкую?! — брызжет слюной разъярённый физрук. — Я ж тебя знаю, Даня! Тебя в одних трусах выпусти на поле, и ты отбивную из соперника сделаешь! Какой, к чёрту, вратарь, Кротов?! Это что за новости такие за моей спиной?!

– В жизни всё нужно попробовать, не находите? — Даня криво ухмыляется, напрочь позабыв, с кем разговаривает. — Я нападающим своё отбегал. Надоело. Либо ставьте меня на ворота, либо я сам посылаю вашу сборную к ядрёной...

– Кротов! За языком следи! Совсем берега попутал?! — взрывается Иван Палыч. — Да за такие слова можно не только из сборной вылететь со свистом, но и из школы!

Физрук запускает пятерню в поредевшие волосы и пытается успокоиться.

– За дырявую голову и отсутствие формы ставлю «два» без права на исправление! А на воротах ты мне нафиг не нужен! Хочешь играть – играй как мужик! Не хочешь – у нас с этого года открывается кружок кройки и шитья для девочек, вот туда и иди! Уяснил?

Не дожидаясь ответа, Иван Палыч разворачивается на пятках и походкой победителя спешит к тренерской. А я не таясь наслаждаюсь поражением Кротова! Смотрю, как недовольно раздуваются его ноздри, как грудь неровно вздымается от каждого вдоха, а пальцы рук подрагивают в воздухе возле сжатого в тонкую полоску рта. Падать носом в грязь всегда неприятно. Жаль, жизнь слишком редко преподносит Даниле уроки!

Уже хочу отвернуться, чтобы ненароком в очередной раз не стать грушей для битья, но слишком громко хмыкаяю, когда пальцы Дани совершенно случайно складывают слово «свинья» на языке жестов.

Кротов мгновенно отмирает и переводит презрительный взгляд в мою сторону. Его физиономия моментально искажается гримасой отвращения, а глаза наливаются кровью. Мало того, что физрук окунул парня в чан с дерьмом, так ещё и сделал это при свидетелях. Разве может Кротов такое простить? Мне – точно, нет!

Оттолкнувшись от стены, Даня походкой голодного хищника начинает безжалостно приближаться. Глубокий вдох... Взгляд на часы... До звонка четыре минуты, и, чувствуя, они станут последними для меня. Инстинктивно пячусь от Кротова. Вздрагиваю, когда спины касается прохладный металл тяжёлой двери, и прикрываю глаза.

– Подглядывать, подслушивать – это удел неудачников, – цедит Кротов, продолжая неуклонно приближаться ко мне. – Твой удел, Ильина, верно?

Сглатываю. Когда-нибудь я наберусь смелости ответить. Когда-нибудь, но, видимо, не сегодня...

Во рту пересыхает, руки трясутся, а сердце в груди клокочет с такой силой, что вот-вот разломает рёбра.

Запах чужой мятной жвачки щекочет нос, а мерзкий смешок опаляет жаром ухо. Кротов так близко, что забываю дышать.

– Поверь, Ильина, я тебя уничтожу, если посмеешь открыть свой поганный рот...

Через силу улыбаюсь и распахиваю глаза. Куда больше? Даня и так сравнивал с асфальтом всю мою жизнь! Ещё тогда, в девятом классе, он испоганил мою репутацию, лишил друга, навсегда отвратил от меня Егора... Неужели ему мало?

– Хотя о чём это я? – Данила внезапно заходится в язвительном смехе, а я перестаю улыбаться. – С тобой же никто не разговаривает, никто тебя не слушает, никому ты не нужна. Хоть бейся головой об стену, твои слова – пустой звук. Ты такая жалкая, Лера, даже противно!

Теряюсь под недобрым взглядом болотно-зелёных глаз Кротова и непроизвольно начинаю дрожать. Здесь всё: и собственное бессилие, и страх, и осколки прошлого. Легко быть сильным, когда внутри тебя крепкий стержень. Мой сломан руками Кротова...

Горло дерут непрошеные слёзы. Вместо слов в свою защиту беззвучно открываю рот. Я столько раз тренировалась, чтобы достойно ответить Даниле, и вот он, шанс, но я его упускаю.

– Дань, опять ты нашу «мышку» травишь! – разряжает напряжение между мной и Кротовым бодрый голос Егора. Улыбаясь, как ангел, Лихачёв смахивает с глаз чёлку и бодрой походкой спешит к нам. Вернее, к своему другу.

– Что сказал Палыч? – Закинув руку на плечо Даниле, Лихачёв с нетерпением ждёт ответа.

– Упёртый баран этот Палыч! – цедит сквозь стиснутые зубы Кротов и, наградив меня на прощание предостерегающим взглядом, моментально меняется в лице. Для Егора из загашника достаёт улыбку, голос свой мерзкий переключает на дружеский тон и даже, кажется, расправляет плечи. – Никаких ворот.

– И что будешь делать?

– Играть, Горыч! Что мне остаётся?

– Но...

– Я справлюсь. Не впервой!

Запахавшаяся, с покрасневшими от бега щеками, я возвращаюсь в раздевалку. Прямо так, на спортивный топ, натягиваю толстовку и, наспех сменив бриджи на любимые джинсы, хватаю рюкзак, чтобы поскорее сбежать подальше от школьных стен. Но в дверях сталкиваюсь нос к носу с Машей Голубевой. Когда-то, класса до девятого, мы были не разлей вода: настоящие подруги, почти сестры... Тогда ещё я верила в дружбу... Тогда мне казалось обыденным – без остатка растворяться в другом человеке и верить ему, как себе. Мы вместе играли в куклы, вместе постигали азы макияжа и делали неловкие шаги в поисках своего неповторимого стиля. Ходили в походы, магазины, кафе. Устраивали ночёвки. Под одеялом, крепко обнявшись и дрожа от страха, смотрели ужастики. Держали друг друга за руку, пока родители отчитывали нас за разбитые коленки и взятый без спроса велик отца. Позабыв об уроках, болтали о мальчишках и мечтали о любви, писали записки под носом математички и заливисто смеялись над

глупостью Громовай. Теперь же Маша на пару с Улей смеётся надо мной. Время безжалостно разрушает любые замки из песка. Наша дружба с Голубевой оказалась одним из них.

Отвожу взгляд и прижимаюсь к стене. Молча жду, когда Маша прошмыгнёт в раздевалку и займёт своё место рядом с Улей. Мы больше не общаемся. Даже пара слов – за гранью фантастики. Но сегодня Голубева делает для меня исключение:

– Привет! – Она тоже отскакивает от меня, пропуская вперёд.

– Привет, – растерянно бормочу, продолжая елозить взглядом по грязному полу.

– Уроки закончились, – тянет немного задумчиво и неловко. – Может, вместе домой пойдём? Как раньше, помнишь?

– Помню. – Я моментально прощаю Голубевой свои бесконечные слёзы и бессонные ночи, обидные слова и насмешливые тычки в спину. Людям свойственно ошибаться. Главное – осознать, верно?

– Ну так что? Составишь компанию?

– Да! – Впервые за день я улыбаюсь и перевожу на Машку взволнованный взгляд. Правда, тут же сталкиваюсь с её, потерянным и затуманенным слезами.

– Всё хорошо, Маш. – Сбрасываю с плеча школьный рюкзак и без раздумий тянусь к бывшей подруге. – Я давно тебя простила. – Касаюсь нежной ладони, как когда-то в прошлом. Мизинец к мизинцу.

Будь я хоть чуточку внимательнее, то заметила бы в ушах девчонки беспроводные наушники и мобильный, зажатый в другой руке, но я слишком поздно понимаю, что говорила Маша не со мной.

Душная раздевалка мгновенно наполняется смехом – резким, безудержным, громогласным. А на изящном личике Голубевой сквозь слёзы проступает отвращение. Она стряхивает моё касание, как нечто ужасное, тухлое, заразное.

– Совсем крыша поехала? – морщит аккуратный носик и проходит мимо. А я стою, как оплёванная, и не могу пошевелиться. Позволяю остальным отпускать в свой адрес язвительные шуточки и даже не плачу. Моя позорная боль сегодня куда глубже каких-то там слёз.

– Не садись со мной рядом, пока руки не помоешь! – нарочито громко, чтобы все слышали, ёрничает Громова, обращаясь к своей подруге, и наигранно прикрывает рукой рот. – Наша замухрышка тебя касалась, Маша! – топает ножкой, но Голубева пропускает капризы Ули мимо ушей.

– Да плевать на неё. – Она садится на лавку и подтягивает коленки к груди. Касается лбом ткани спортивных лосин и даже не замечает, как из её ушей выпадают наушники.

Но новой Машкиной подруге всё равно: Уля продолжает подначивать всех к насмешкам надо мной, бесконечное множество раз смакуя на языке глупое недоразумение.

Мне стоит поднять рюкзак с пола и уйти, а не терпеть изощрённые издевательства над собой, но я стою. Затравленным зверьком смотрю, как сотрясается от всхлипываний спина Маши, и не могу тронуться с места. Наверно, я всё ещё верю, что ей не всё равно...

– Ты только взгляни, как наша чуврыла зависла! – хохочет Уля и локтем пихает в бок Голубеву.

– Да отстань от меня! – сипит Машка и начинает рыдать с новой силой. – Не видишь, мне не до неё!

Слова Голубевой наждачной бумагой укутывают сердце. Оно ноет, безудержно кровоточит. Хотя, казалось бы, давно пора привыкнуть!

– Ну чего опять? – Между тем Громова натягивает на смазливую мордашку участливую маску лучшей подруги и нехотя приобнимает Машу за плечи.

– Я ему позвонила, как ты советовала. – Голубева хлюпает носом и, позабыв, что в раздевалке полно народу, без лишней скромности изливает душу. – А он отказал. Представляешь?

Поднимаю с пола рюкзак: мне отчего-то становится стыдно за Машку. Вытираю слёзы рукавом толстовки и, натянув капюшон, хочу уйти, но слова Голубевой заползают под кожу.

– Егор мне отказал! Снова! У него точно кто-то появился! Узнаю, кто это – убью дрянь!

– Да не бери в голову! Он просто мстит тебе за тот случай на пляже. Ну помнишь, когда ты отказалась у него ночевать.

– Я не отказалась, Уль – так, перед вами цену себе набивала, а сама... Я дура, Улька, не устояла! А теперь Лихачёв нос от меня воротит! – хнычет Голубева, а у меня всё внутри завязывается в тугой узел: кому, как не Машке, знать, как сильно я всегда любила Егора!

Разворачиваюсь на пятках и несусь прочь. Кого-то сшибаю с ног, сама чуть не падаю на повороте. Не в силах и дальше дышать воздухом, пропитанным предательством и болью, бесцеремонно расталкиваю второклашек, столпившихся у входной двери, и с каким-то остервенением вылетаю в прохладный сентябрь, самый поганый в моей жизни.

Глава 4. Моя реальность

Даня

Громкая музыка смазывает в хлам чужие голоса. Ритмичная, надоедливая, она так и подначивает поскорее доест остывший хот-дог и освободить столик другим жадным до фастфуда посетителям. Но не на тех нарвались! Мы с пацанами держимся уже часа два и никак не разойдёмся по домам. Финальный сезон для нашей футбольной сборной раскупорен, а значит, пока небо не затянется чернотой, а желудки не начнут трещать от колы и картошки-фри, мы никуда не уйдём!

Глупая традиция, знаю! И, наверно, на месте того же Горыча я бы давно наплевал на неё и умчал домой. Только тем я и отличаюсь от золотой элиты нашего класса – меня никто и нигде не ждёт. Пожалуй, кроме Ваньки – моего мелкого сводного брата. Но пока я не готов видеть даже его.

– Крот, что за вселенские проблемы обуяли твою кучерявую голову? – Егор откидывается на спинку сиденья и, сдув чёлку, с размаху кладёт руку мне на плечо. От парня за версту несёт нагетсами и сырным соусом, и я морщусь.

– Просто устал.

– Ещё бы! – ржёт Лихачёв и шумно втягивает через трубочку газировку. – Ты сегодня вообще зверь! Утёр нос Палычу на раз-два!

– Ага, – киваю, стараясь не думать, какой ценой...

Чёртова боль! Она расползается по телу обезумевшими муравьями, а я не знаю, как её заглушить! Одному Богу известно, скольких усилий мне сегодня стоило просто притащить свой зад в школу, не то что целый урок гонять мяч. Каждое движение сродни пытке, каждый вдох – кислотой по лёгким. Но самое поганое, я даже в грёбаный медпункт не могу обратиться: вопросов не миновать, а я не готов озвучить правду. Да и чего добьюсь? Привлеку ненужное внимание к нашей семье, ещё пуще разозлю отчима, которому в лучшем случае погрозят пальчиком, а в худшем – лишат родительских прав. И что тогда? Ладно, мне через месяц восемнадцать, но что будет с Ванькой? Если уж в родном доме он нафиг никому не нужен, то в интернате и подавно засохнет.

– Данила! – басит с другого конца стола Димка Лаптев. – А правду говорят, что ты на бои вернулся?

Позабыв о боли, изо всех сил заезжаю Лихачёву локтем по рёбрам. Егор давится колой, но мне плевать! Долбанный балабол! Я же просил его молчать!

– Не твоё дело, Лапоть! – откашлявшись сипит Егор. Чует, что попал!

– Ты ж сам сказал! – голосит, отложив в сторону гамбургер, Тёма Сивков. – Мол, поэтому Крот сегодня и без формы был, чтобы ссадинами своими физрука не бесить. Так что, Дань, правда или нет?

Киваю сухо, безразлично. Если врать, то всем одинаково. Если и играть роль безжалостного подонка, то до конца!

– Рили? – Выпучив глаза, Лаптев не глядя закидывает в рот картошку фри. Тоже мне, шоу нашёл!

– А то! – осмелев, хмыкает Егор. Думает, раз я подтвердил его болтовню, то ему и длинный язык списал с рук. Придурок!

– А с кем дрался? – не унимается Лаптев, чем приковывает к моей персоне всеобщее внимание. Вот только этого мне сейчас не хватало?

– Не твоего ума дело, Лапоть! – огрызается Егор и, опершись локтями о край стола, расплывается в улыбке – немного кривой, безумно довольной. Он, как гиена, радуется, что сумел прибиться к самому сильному хищнику в округе. Когда-нибудь он поймёт, как ошибался!

– Да ладно! – с набитым ртом бубнит Димка.

– Крот, ну ты чё? Тут все свои! – вторит ему Тёма.

– Ну-ну... – хмыкаю себе под нос. Один «свой» уже, судя по всему, запустил череду слухов по школе, теперь хрен отмоешься!

– Вы чё, совсем шизанутые? Не понимаете, что о таком не трещат налево и направо? – пытается загладить свою вину передо мной Егор, нервно вертя в руках бумажный стаканчик. Понимает, гадёныш, что доверие моё потерял, а как его вернуть, не имеет понятия.

– Да потому, что не было никакой драки! – подаёт голос Леша Косолапов. Жаль, я сегодня промахнулся и не расквасил этому верзиле-гамадриле старой кединой его рябой нос. – Сами подумайте, дебилы, кто парня семнадцатилетнего до боёв допустит? Ну, олухи!

Косолапов начинает ржать, да так, что стол ходуном ходит. Я лишь покрепче стискиваю челюсти и молчу: плевать, пусть спорят без меня.

– Была драка! Я сам видел!

– Драку?

– Ага, сейчас! Кто бы его туда пустил?

– Да Лёха просто завидует! Ему, небось, отказали.

– Я чё, больной? Нафига мне всё это?

– Да не драку, идиоты! Синяк на спине Крота. Там, в раздевалке.

– И я – на плече. Ещё думал, что показалось.

– Данила, а покажи?

– Отстаньте вы от него!

– Так ты, Крот, получается, продул, поэтому отмалчиваешься? Вот слабак!

– Сам ты слабак! Там проигравшего сразу в морг отправляют, а Данька нам игру спас!

– Я так и не понял, а с кем наш Крот-то дрался?

Пацаны в своём споре входят в такой раж, что постепенно забывают, с чего всё началось: все полощут физику, вспоминают какого-то Федю из параллельного класса, которому летом некие отморозки сломали ногу, хвастаются своими фингалами и немислимыми победами... Слушать их становится не на шутку скучно, да и голова разрывается на части. Не удивлюсь, если отчим вчера наградил меня сотрясением мозга. А потому в разгар очередной словесной перепалки встаю и под шумок сваливаю: сначала – к свободной кассе, а потом – домой.

Zipper ly[03.09 19:49]: Здравова, мелкий! Картошки-фри хочешь?

Joker [03.09 19:50]: Спрашиваешь!

Joker [03.09 19:50]: И бутер мне возьми! С двойной котлетой!

ZipperFly[03.09 19:52]: Мать тебе уши оторвёт, если узнает!

Joker [03.09 19:53]: Сначала тебе!

ZipperFly[03.09 19:57]: Как дома?

Joker [03.09 19:58]: Тихо. У матери сериал идёт. Отец весь день у себя сидит. Вроде, трезвый. Сам как? Живой?

ZipperFly[03.09 19:49]: Ты всё время забываешь, Ванька, что я супермен.

– Мам, я дома! – Краем глаза заглядываю в гостиную и уже хочу подняться к себе: знаю, как стыдно матери бывает после срывов отчима и тяжело даже просто смотреть на меня. К слову, последнее у нас взаимно.

– погоди, Дань! – Мама в спешке ищет пульт от телевизора и убавляет звук, а потом, неловко сжимая губы, постукивает ладонью по дивану рядом с собой. – Поговорим?

В этом огромном доме она напоминает мне Дюймовочку: такая же миниатюрная, тонкая, воздушная... Пока мы жили с отцом, она преподавала детям хореографию, а я, будучи ещё совсем ребёнком, не без гордости хвалился на каждом углу, что моя мать – балерина. Самая изящная, красивая и безмерно добрая.

Я бы многое отдал, чтобы вернуться: отмотать часы лет на десять назад и уберечь маму от главной в ее жизни ошибки – встречи с Валерой.

Дурак тот, кто думает, что деньги приносят счастье. Ложь! Счастье приносит любовь, тёплый плед один на двоих, глупые мечты на ушко, когда без страха о сокровенном, глазами – о самом важном. А деньги все разрушают! Подменяют настоящее пластиковыми картами и никому не нужными брендами, липовыми друзьями и бесконечным стремлением соответствовать, правда, непонятно, кому и зачем. Жизнерадостных балерин они превращают в забитых домохозяек, рвущихся из последних сил сохранить молодость на лице, но давно постаревших душой.

Бросаю Ванькин заказ на журнальный столик и нехотя сажусь на диван.

– Ты наконец решилась на развод?

Небрежно вытянув вперёд ноги, безжалостно смотрю на мать. По привычке люблю, но становлюсь всё дальше. Пытаюсь понять, но, видимо, мозгов пока не хватает.

– Даня! – весьма предсказуемо вспыхивает мать и укORIZненным взглядом скользит по моему лицу. – Ты опять?

– А в чём кайф жить с этим монстром? Объясни!

Я давно не жду ответа. Точнее, знаю наперёд все её отговорки о любви, которой нет, о нас с Ванькой, о жизни такой несправедливой и тяжёлой. И всё же надеюсь, что мать когда-нибудь задумается о потерянном времени и наших переломанных судьбах.

– Прекрати, Даня!

Что ж, по всей видимости, не в этот раз.

– «Прекрати»? – перекаत्याю во рту дурацкое слово как леденец. Уговариваю себя промолчать, но слишком свежи ссадины на сердце. – Мам, ты с адресатом ошиблась!

– Боже, Даня, откуда в тебе столько злости?!

– Может, отсюда? – Задираю чёрный лонгслив до груди, чтобы бордовые отметины на моём теле хоть немного развеяли туман заблуждений в материнской голове.

– Ты сам виноват! – Мать отворачивается от меня, как от протухшей рыбы, и морщит нос.

– Я?! Ты серьёзно?! – вскакиваю как ужаленный.

Впрочем, мать права: я мог запереться в комнате Ваньки и переждать бурю, но, дурак, не смог выдержать материнских стонов, когда тяжёлая рука отчима оставляла отметины на её хрупком теле.

– Сколько раз я предлагала тебе переехать к отцу!

Знаю. И ровно столько же раз я клялся себе, что уеду. Меня в этом городе ничего не держит. Ну, почти ничего...

– И оставить Ваньку одного?

– Почему одного? У него есть отец и я.

– Ты себя слышишь? Сколько раз ты к нему заходила сегодня? А Валера? Или, может, ты наконец занялась изучением языка жестов?

– Не перегибай, Даня! В век современных технологий это ни к чему! Существует масса всяких гаджетов для общения!

– Круто, мам! – Моё терпение трещит по швам. Я глупец, раз решил, что мать действительно созрела для разговора. Наивный придурок, который всё ждёт того самого предела, за которым притаилась новая жизнь. Только его, похоже, не существует. Убей меня вчера отчим, сегодня мать всё так же бы сидела перед телевизором и искала оправдания этому ублюдку.

Хватаю с журнального столика бумажный пакет с фастфудом и, не глядя на мать, несусь прочь.

– Данила! – верещит в спину. – Я не договорила!

– Воспользуйся гаджетами, мама! Я, как и Ванька, всегда онлайн! – бросаю через плечо и, перепрыгивая сразу через несколько ступеней, поднимаюсь на второй этаж.

Меня колбасит, трясёт. Неистово тянет набить кому-нибудь морду! Я устал молчать и держать всё это дерьмо в себе!

Радуюсь, что дверь в комнату брата закрыта. Это значит, у меня есть несколько минут, пока мелкий не учует запах картошки и не поймёт, что я вернулся. Прежде чем улыбнуться Ваньке, мне нужно хоть немного успокоиться самому.

Школьный рюкзак летит в угол, следом, комком, – спортивная форма. Огромная спальня, навороченный интерьер, крутой ноутбук – мамина мечта о шикарной жизни слишком дорого нам всем обходится.

Не успеваю переодеться, как в дверь моей комнаты стучат. Это не Ванька. Парень всегда закатывает ко мне без предупреждения. И вряд ли отчим. Этот ещё неделю будет делать вид, что мы не знакомы. Потом у меня появится новый айфон, пара крутых наушников, быть может, даже скутер, ну а следом – свежие отметины на теле. И так по кругу...

– Ты освоила лестницу? – горланю, прежде чем открыть матери дверь. Она бы так прытко бегала к Ваньке, да только чужой ребёнок – это всегда чужой ребёнок, тем более инвалид.

– Хватит паясничать, Даня! – Скрестив на груди руки, мама взъерошенным воробьём врывается в мою обитель.

– Что за вонь?! Стухло что-то?

Она снова морщит свой аккуратный носик, уже, кажется, трижды перекроенный пластическими хирургами, и без спроса открывает окно.

– Наши с Ванькой мечты об идеальной семье, – бросаю нарочито громко, но мать пропускает мои слова мимо ушей.

– А это что? – Она наконец замечает пакет с едой для мелкого и бесцеремонно заглядывает внутрь. – Картошка-фри? Ты в своём уме?! Это же есть нельзя!

– Бить детей – тоже, но тебе ж наплевать!

– Даня! – Позабыв о картошке, мать моментально меняется в лице. Что это? Жалость? Бессилие? Любовь? Не успеваю понять. Уже в следующее мгновение мать начинает грозить мне указательным пальцем и читать нотации, что воспитанные мальчики так с родителями не разговаривают. Так и представляю мем на телефоне: мамины утиные губки, выпученные, видимо, для устрашения глаза, и надпись «*кря-кря-кря*».

– Если это всё, то у меня уроков тьма. – Мне надоело притворяться, что слушаю. Я и так мужественно терпел минуты две – хватит! Со своими наставлениями мать опоздала лет так на десять. Я открываю дверь, ясно давая понять, что разговор окончен.

– Не всё! – Кончиками пальцев мать поправляет аккуратно уложенные волосы цвета ольхи и снова подходит к окну. – Мне нужно, чтобы на этих выходных ты остался дома. С Ваней. Никаких гулянок, друзей, девочек, клубов. Ясно?

– Берёшь отгул? – едва сдерживаю ехидный смех.

– Мы с Валерой хотим слетать в Париж на два дня. Нам нужно помириться, понимаешь?

– Что, мам, колечки с брюликами уже не помогают?! Трещина в розовых очках слишком большой стала?! А дальше что?! Вилла в Майами?! Тур по Зимбабве?! Долго ты себя еще продавать будешь?!

Щёку обжигает острая боль. У нас в семье так заведено: когда не хватает слов, в ход идут кулаки и пощёчины.

– Не смей лезть в мою жизнь! – Мать растирает ушибленную ладонь и едва справляется со слезами, а я даже думать не хочу, по какому они поводу.

Сжимаю кулаки, чтобы только не вякнуть чего лишнего. Я знаю по себе, как слова порой выбивают почву из-под ног, а нам всем жизненно необходимо твёрдо стоять на земле, иначе сломаемся, без права на гарантийный ремонт.

Задыхаясь от слёз, мать выскакивает из моей комнаты, цокает каблучками по лестнице и всхлипывает громко, напоказ, мол, смотри сын, в кого ты превратился. А мне плевать! Ненавижу слабаков и притворщиков!

С силой захлопываю дверь. Глубоко дышу, чтобы прийти в норму, а потом хватаю пакет с бутером и картошкой и мчу к Ваньке, пока еда окончательно не остыла.

Я застаю брата перед экраном монитора. С тех пор как проклятая авария лишила его слуха и отняла ноги, он залипает в инете с ночи до утра. С кем-то общается и беспрестанно смотрит фильмы в надежде научиться читать по губам. Он, как и предки, не спешит постигать язык жестов. Говорит на нём с ошибками и не всегда в тему. Но я его не осуждаю. Понимаю: он просто верит, что однажды слух вернётся, а жесты эти для него – как точка невозврата...

– Привет!

Касаюсь жилистого плеча, отвлекая Ваньку от переписки.

– Привет!

На его лице неподдельная улыбка, а в глазах – задорный блеск. Он, без сомнения, мой мелкий генератор счастья. Глядя на то, как безжалостно с ним пошутила судьба и как, несмотря ни на что, он продолжает радоваться каждому дню, я и сам забываю о своих проблемах.

Протягиваю картошку и извиняюсь, что остыла. Ванька отмахивается и с жадностью накидывается на еду.

– Ты ел?

Он кивает и хочет мне что-то сказать, но руки заняты.

– Жуй давай! Потом поговорим.

Пока мелкий разбирается с гамбургером, я осматриваю его комнату. Сегодня в ней царит порядок. Даже не верится!

– Мать?

Он мотает головой. Ну, конечно, кто бы сомневался...

– У меня новая ... не знаю, как ... женщина...

Отложив бутерброд, Ванька пытается объяснить на пальцах.

– Сиделка?

Кивает.

– Молодая и красивая?

Хмурится и качает головой, а я смеюсь.

– Она хорошая, – показывает и снова улыбается.

– Круто! – подмигиваю в ответ. – Ладно, ешь, не спеши! Я пойду. Уроки.

Ваня кивает, но тут же начинает махать руками, едва не выронив картошку-фри.

– Мне нужна помощь!

– Что случилось?

– Научи меня, как бить в ответ.

– Давать сдачи?

Кивает.

– Ты издеваешься?!

Перед глазами всплывают картинки вчерашней вакханалии, когда я беспомощным овощем валялся в ногах отчима, а Ванька тихо плакал на втором.

– Нет! Нет! – снова жестикулирует. Путается. Начинает сначала. Он взволнован не на шутку, но словарного запаса не хватает, чтобы всё объяснить. Нервно озирается. А потом берёт со стола мобильный и без слов заходит в мессенджер.

– Ладно! – киваю и достаю свой.

Joker[03.09 21:43]: Помнишь, я говорил, что общаюсь с одной девочкой?

ZipperFly [03.09 21:44]: У Джокера появилась подружка?

Смеюсь. Я всё помню, но мне нравится смотреть, как алеет кожа на бледных щеках брата.

ZipperFly[03.09 21:46]: Хорошенькая?

Joker [03.09 21:46]: Да.

ZipperFly[03.09 21:47]: Она знает, что с тобой?

Joker [03.09 21:48]: Да.

ZipperFly[03.09 21:49]: Сколько ей?

Joker [03.09 21:50]: 18 скоро

ZipperFly[03.09 21:50]: Фу, старушка!

Я снова ржу: когда тебе шестнадцать, разница в два года – безумная пропасть!

Joker [03.09 21:51]: Тогда ты тоже старик!

Пыхтит, набирая текст.

ZipperFly[03.09 21:53]: Ага!

Треплю мелкого по задорным кудряшкам, про себя отмечая, что волосы у него снова отросли почти до плеч, и всем всё равно...

ZipperFly[03.09 21:55]: Не дуйся, мелкий! Выкладывай!

Joker [03.09 21:57]: Она хорошая. Очень. Но в школе её гнобят по-страшному, а она терпит.

ZipperFly[03.09 21:58]: Решил в психологи заделаться?

Joker [03.09 21:59]: Я серьёзно, Вжик! Я боюсь за неё. Ещё немного, и задохнётся.

ZipperFly[03.09 22:01]: А гнобит кто? Девчонки?

Joker [03.09 22:02]: Девочки тоже, но главный там Клоун.

ZipperFly[03.09 22:02]: Клоун? Фамилия такая?

Joker [03.09 22:04]: Крик души...

ZipperFly[03.09 22:05]: А подруга твоя, и правда, красивая? Или ты так, похвастать?

Joker [03.09 22:07]: Красивая. Только не верит в это.

ZipperFly[03.09 22:11]: Ну не знаю, если всё при ней, то пусть соблазнит придурка. Знаешь, от любви до ненависти... А потом бросит: и на место поставит, и ржать уже над ним начнут.

Joker [03.09 22:12]: С тобой бы сработало?

– Я не Клоун! – прыскаю в пустоту.

ZipperFly[03.09 22:13]: При чём здесь я? Я никого не гноблю!

Joker [03.09 22:14]: Ну, если б какая «серая мышка» из класса вдруг преобразилась и давай тебе глазки строить, клонул бы?

Снова смеюсь. Умеет же Ванька отвлечь от серых мыслей!

Пожимаю плечами. Про себя пробегаюсь по одноклассникам и качаю головой. В нашем классе много симпатичных девчонок, но ни одна не посмеет строить мне глазки, пока Громова числится моей девушкой. А вообще... В памяти всплывает образ Ильиной. Чем не «серая мышь»? Высокая, нескладная, ходит вечно ссутулившись и забитым зверьком опасно выглядывает из-под чёрного капюшона, будто так и ждёт, что с неба метеорит свалится. Не-е, не надо мне такого счастья! Опять ржу как сивый мерин, а Ванька смотрит на меня выжидающе и взглядом потирает с ответом.

ZipperFly[03.09 22:20]: Дебильный совет! Забей! А вообще, знаешь, издеваются над теми, кто это позволяет!

В памяти воскрешаю поведение Ильиной. Вот он, яркий пример придверного коврика: говори, что хочешь, жаль, куда нравится – всё проглотит!

Joker [03.09 22:22]: Это понятно, Вжик! Но как ей измениться?

Я начинаю подробно писать о любви к себе, о внешнем виде и поведении, а потом одним махом всё удаляю.

ZipperFly[03.09 22:29]: Твой отец вчера вытирал об меня ноги, а я терпел. Наверно, Ванька, хреновый из меня советчик.

И пока братишка, поджав губы, думает, что ответить, я хлопаю его по плечу и иду спать.

Глава 5. Четверг. Чулки. Честность.

Лера

Это страшное слово «утро»! Оно куда хуже комочков в манной каше на завтрак или незамеченной жвачки на стуле. Я терпеть не могу рано вставать! Как по мне, так само понятие «утро» нужно запретить на законодательном уровне. Или хотя бы перенести его официальное начало часов на десять, а то и на одиннадцать. Кто, интересно, придумал начинать жить в семь утра?!

– Лера! Подъём! – Мама громко стучит в дверь и тут же уносится прочь.

Умыться, накраситься, уложить волосы, приготовить завтрак, напомнить отцу о таблетках, не забыть налить мне в кофе молока – мамино утро всегда начинается шумно и на бегу.

Сонно потирая глаза, не спешу вылезать из-под теплого одеяла. Я не выпалась и совершенно точно не хочу идти в школу. Трогаю лоб, но тот, к моему великому разочарованию, обычной температуры, а значит, свалить на плохое самочувствие не получится и рано или поздно придётся вставать.

– Дочь! Школу проспишь! – ровно через минуту за дверью раздается голос отца. Побриться, занять туалет на добрых полчаса, неспешно пролистать новостную ленту, с важным видом позавтракать, неторопливо одеться, перед выходом выпить лекарство и обязательно поцеловать мать в щеку, повторив при этом сумасшедшее число раз «люблю». Папа по утрам напоминает пофигистичную улитку – такой же медлительный и невозмутимый.

– Лера! – хором с кухни. – Завтрак готов!

– Иду! – Я все же опускаюсь разнеженными от сонного тепла пятками на холодный пол и невольно морщусь. Жизнь штука безумно несправедливая: всегда чего-то хочется и постоянно ничего нельзя! Я завидую маминой энергии и умению папы находить свой утренний дзен – у меня ни черта не получается!

Мое утро по обыкновению серое, недовольное и ворчливое. Там, где нужно ускориться, я торможу: зависаю над щеткой с зубной пастой, за завтраком ковыряюсь ложкой в каше, но так и выхожу из-за стола голодной, да и необходимость заправлять кровать вгоняет меня в уныние. Зато я долго не думаю, что надеть на себя, и не верчусь перед зеркалом часами, как мама. Волосы в хвост я собираю не глядя, да и кроссовки могу натянуть с закрытыми глазами.

Только сегодня утро не совсем обычное!

Орудую зубной щеткой со скоростью света, наспех застилаю пледом кровать, а потом зависаю возле зеркального шкафа и, до боли кусая губы, смотрю на несчастный сарафан, уже почти неделю красующийся на дверце.

Joker [04.09 07:01]: Доброе утро, соня! Про спор помнишь?

Так и хочется вышвырнуть мобильный в форточку! Неужели обязательно напоминать о моем вчерашнем проигрыше, да еще и в семь утра?!

Lera [04.09 07:04]: Я ночью упала с кровати и все забыла!

Joker [04.09 07:05]: Как хорошо, что у тебя есть я! Напоминаю: ЧЧЧ. Не благодари!

Lera [04.09 07:05]: ЧЧЧ?

Joker [04.09 07:06]: Четверг. Чулки. Честность.

Lera [04.09 07:07]: Речь шла о юбке! При чем здесь чулки?????

Joker [04.09 07:08]: А вот и память вернулась))) Ну, если забудешь про чулки – не страшно!

Lera [04.09 07:08]: Ненавижу тебя!

Joker [04.09 07:08]: Удачного дня!

Самые большие глупости в жизни люди совершают на спор, особенно когда уверены в своей победе. Вот и я вчера готова была поклясться, что наизусть помню все песни люби-

мых «Coldplay», и так нелепо пролетела, а теперь... Теперь вынуждена отправиться на учебу в дурацком сарафане и сгорать со стыда целый день напролет. Впрочем, приди я хоть голой, никто не заметит.

И все же мне требуется недюжинная сила воли, чтобы заставить себя натянуть это приталенное подобие одежды – не в меру короткое, обтягивающее, обнажающее не только ноги ниже колен, но, кажется, и душу. В тонкой блузке пудрового цвета и в клетчатом сарафане я ощущаю себя до невозможности уязвимой, и хотя понимаю, что это обычная форма и так в нашей школе выглядит каждая вторая ученица, взглянуть в зеркало всё же не решаюсь. Зато хватаю со стула толстовку, сжимаю ее в руках и едва справляюсь с желанием обмануть Джокера. Ну, правда, как он узнает? Глупый спор, онлайн-общение – я могу написать все что угодно! Да только папа всегда учил, что быть честной – это как чистить зубы по утрам: можно и пропустить, но в итоге неприятно пахнуть будет из твоего рта. Именно поэтому зажимаю в кулаке свой дикий страх, а безумную неуверенность в себе прихлопываю, как надоедливую комара. Стиснув челюсти, поправляю подол сарафана и на всякий случай запикиваю толстовку в рюкзак – так спокойнее! А потом, глубоко вдохнув, выхожу в коридор и, дабы избежать восторженных стонов мамы, сразу плетусь в прихожую.

– Пап, мне сегодня нужно приехать чуть раньше! – завязывая шнурки на кроссовках, кричу на всю квартиру.

– А завтрак?! – возмущается мама.

– В школе поем! Па, ну ты где?!

– Лера, Лера! – вздыхает отец, жадно допивая утренний кофе. – Ну кто ж так делает, дочь?! Почему заранее не предупредить? – Слышу, как по обыкновению он чмокает маму в щечку, а потом шаркает тапками в мою сторону. – Дай мне минуту! Сейчас переоденусь!

– Я на улице подожду! – Схватив ключи, вылетаю из квартиры, прежде чем старики заметят мое преобразование и начнут охать.

Пока жду отца во дворе, успеваю сто раз передумать: нужно быть самой настоящей идиоткой, чтобы отправиться в школу в таком виде! Чувствую, как от стыда начинают гореть уши, как теплый ветер зарождающейся осени холодит обтянутые тонким капроном колени, и уже порываюсь вернуться. Кого я обманываю – это все не про меня! Но стоит сделать шаг по направлению к дому, как из подъезда вылетает отец и, покручивая на пальце автомобильный брелок, как ни в чем не бывало проходит мимо меня.

– Лерка, ты идешь? – бросает на бегу и садится за руль. Не смотрит на меня, не смеется. Словно и вовсе не видит, что я изменилась.

– Да, наверно, – неловко бубню в ответ. Я не знаю, как быть!

– Поехали-поехали! – опустив стекло, поторапливает папа и, кажется, только сейчас замечает, что вместо джинсов и толстовки на мне красуется сарафан.

– Ух, ты! – сглатывает он от неожиданности, и мои ладони начинают потеть. Да и сама я на низком старте, чтобы наконец вернуться домой и стать собой прежней.

– Классно выглядишь, дочь! – подливает масла в огонь старик. Еще только слово о моей красоте, и я точно сбегу!

– Ну мы едем или нет? – Папа постукивает пальцами по рулю, кажется, в мгновение ока теряя интерес к моей персоне. – Лер, ну чего застыла? Ты же опаздываешь!

– Да, точно! – Суетливо запрыгиваю в салон, одним махом отрезая пути к отступлению. И все же пальцы, зажатые между острыми коленками, продолжают неистово дрожать.

– Па-ап... – тяну на выдохе, но собраться с мыслями так и не могу... Мне хочется поделиться страхами, но я не уверена, что он поймет.

– Чего, Лер? – отец между тем следует привычным маршрутом и напевает себе под нос популярную мелодию, сочащуюся из динамиков. Удивительно, каким разным может быть мир внутри одного и того же салона авто!

– Надумала составить нам с матерью компанию на выходные? – так и не дождавшись ответа, усмехается папа.

– Компанию? Куда? – Глова забита дурацким сарафаном, а потому папин вопрос звучит так, словно задан мне на китайском. Но он, разумеется, не понимает.

– Лер... – разочарованно цедит папа и с шумом выдыхает. – Я же говорил тебе, дочь: дед позвал за грибами в деревню.

– О! Ты об этом. Прости, вылетело из головы.

– А что залетело? – с грустинкой в голосе улыбается папа, но, заметив, что я ни капли не разделяю его радости, тут же добавляет уже более серьезно: – Мы – семья, Лерка! Мы должны держаться друг друга, быть вместе. В этом наша сила. Понимаешь?

– Па, а нельзя быть вместе где-нибудь в городе? Обязательно в лес тащиться?

– А что плохого в лесу?

– Сырость, грязь, комары – этого достаточно?

Природа никогда не манила меня своими дремучими красотами и абсолютным отсутствием человеческих условий жизни. Меня бросает в дрожь, стоит вспомнить, как устроен быт в доме деда: вместо нормального душа – баня, вместо интернета – двор с курами и луковыми грядками. Ну уж нет!

– Ну какие комары в сентябре, Лер? Да и дождей не обещают. Поехали, а?

Папа тормозит на парковке возле школы и, обернувшись, выжидающе смотрит на меня через зеркало заднего вида. Уже хочу помотать головой и бежать на уроки, как он одними губами, почти беззвучно произносит:

– Мы – семья!

– Ладно, па, грибы так грибы! Доволен? – натянув на лицо маску вселенской грусти, отвечаю старику, лишь бы отстал.

– Ага! – кивает он и с масляной улыбкой на губах оборачивается. – Приехали, Лер! Чего сидим?

– Точно! – прихожу в себя и, пока папа не вспомнил о каком-нибудь ещё свободном уик-энде и не заставил тащиться с ним в поход, вылетаю на свежий воздух.

Не знаю, специально это отец, или так получилось, но я на время совершенно забываю о своём несуразном внешнем виде. Все познается в сравнении, и так уж повелось, что лесные сыроежки и подосиновики меня всегда пугали куда больше местных мухоморов с острыми, как иголки, языками. Впрочем, стоит мне перешагнуть порог школы, как две бледные поганки тут как тут вырастают перед самым носом.

– Пс-с! – плюется своим ядом Громова, выпучив на меня глаза. – Я смотрю, школьная форма добралась до самых отсталых слоев общества? – Уля презрительно морщится и тут же пихает локтем Машку. – Ты только взгляни! – шипит она с насмешкой. – Вот это отстой!

– А? Что? – растерянно откликается Голубева, до этого искавшая что-то в своей сумочке. – О! Лерка! Что, толстовку в химчистку сдала? – произносит громко, будто нарочно привлекая к моей персоне любопытные взгляды.

Язык снова прирастает к нёбу, а пространство огромного школьного холла возле гардероба мгновенно сжимается до объема консервной банки: я бы и рада ответить, да только мало чем сейчас отличаюсь от Джокера – такой же беспомощный инвалид.

– А блузка – ничего так, – тянет ко мне наманикюренные пальчики Уля. – У бабушки одолжила?

Неуклюжая шутка кажется Громовой чрезвычайно смешной: не дожидаясь реакции Маши, она начинает мерзко хихикать. А я готова провалиться сквозь землю – от ощущения собственной беспомощности, от этих взглядов, чужих и вездливых. Меня так и подмывает забить на учебу и убежать. Да и чего я ждала? Complimentов? Дура! Идиотка! Но внезапно подбежавшая к Маше Люба Новикова из параллельного класса путает все карты.

– Машка! – заговорщически произносит она и озирается по сторонам, чтобы никто лиш-
ний не услышал. – Я все узнала!

Новикову так и распирает от желания поделиться с подругами последними сплетнями,
но мое присутствие рядом её немного смущает.

Не дожидаясь нового плевка в душу, я резко разворачиваюсь и отхожу на пару шагов к
скамейке, чтобы переобуться, а сама продолжаю вслушиваться в каждое слово.

– Влюбился он, понимаешь? – напористо шепчет Люба. – По-настоящему!

– В кого? – бормочет Громова, пока Маша поджимает губы и из последних сил сдержи-
вается, чтобы не заплакать. Становится очевидным, что говорят они о Егоре.

– Не знаю, – поводит плечами Новикова. – Поговаривают, что она из вашего класса.

– В кого ему у нас влюбляться? – смеется Уля и начинает перебирать имена одноклас-
ниц, приписывая каждой ворох вымышленных недостатков. Можно подумать, кроме Громо-
вой, у нас и девчонок симпатичных нет! Я даже закатываю глаза, когда Уля снимает с губ мое
предположение!

– Я с Данькой, Леденцова с Серым встречается, – абсолютно серьезно заявляет она. –
Одна Машка остается... Люб, что-то не то...

– Ну не знаю! – вспыхивает Новикова. – За что купила, за то и продаю. И вообще, сами-
то подумайте: раз Лихачев ее от всех прячет, значит, стесняется. Может, в мышь какую влю-
бился. Вон... – Люба весьма резко оборачивается и сталкивается со мной взглядом. – Может,
в Ильину.

Чувствую, как сердце на бешеной скорости ухает в пятки, а все внутри сковывает льдом.

– В Лерку? – брезгливо кривит нос Маша.

– В Ильину? – с не меньшим отвращением вторит ей Уля.

Я даже толком не успеваю испугаться, как школьный коридор заполняется надрывным
смехом.

– Новикова, обожаю твое чувство юмора! – гогочет Громова. – В Ильину! Ну надо же
было до такого додуматься!

Люба за компанию тоже начинает смеяться. И только Маша недоверчиво косится в мою
сторону: кому, как не ей, знать, о моих изодранных в кровь чувствах к Егору.

– У Лихачева со вкусом все нормально, Люба! – Заправив прядь волос за ухо, Голубева
задирает нос и надменно отворачивается от меня. – Я с большей долей вероятности поверю,
что Егор влюбился в Кротова, чем в эту...

Я закрываю глаза. Как ни больно это признавать, но сейчас я согласна с Машей: Егор
никогда больше на меня не посмотрит. И дело не в том, что я некрасивая или одеваюсь как-
то не так. Все гораздо проще: свой шанс на отношения с Лихачевым я упустила еще тогда, в
девятом, по глупости уступив Кротову место под солнцем. Маша – единственная, кто знает
правду, но теперь и она против меня.

– Ладно, что голову-то ломать? – суетится Люба. – Вот поедem на арбузник, там и уви-
дим, с кем наш Егорушка замутил. Кстати! – Новикова едва не подпрыгивает на месте. – Вы
уже слышали, что Михайловский подготовил для нас в этом году? – Она потирает ладошки и
нетерпеливо бега глазами от Ули к Маше и обратно.

– У этого старпера на уме одни чаепития, – разводит руками Громова. – Ему бы не заву-
чем в школе работать, а в каком-нибудь профсоюзе с пенсионерами зажигать.

– Да ладно тебе, – через силу улыбается Маша, все еще думая о своем. – В прошлом году,
вроде, неплохо отдохнули.

– Ага, ключевое слово – «вроде». Не удивлюсь, если этот хрен старый опять нас соберет
в столовой и заведет свою историческую викторину.

Под гомерический хохот Любы Громова театрально засовывает в рот два пальца и делает
вид, что ее тошнит. Дура!

– Не-е... – Немного успокоившись, Новикова спешит первой огласить планы школьного руководства, касающиеся ежегодного праздника. – В этом году будет квест.

– Так и представляю! – ерничает Громова. – Собери десять окурков за школой и получи годовой курс лекций о вреде курения.

– Нет-нет! – смеется Люба. – «Все профессии нужны, все профессии важны, или Как не умереть с голода на зарплату дворника», а если серьезно...

Впрочем, до какого-то там арбузника мне нет никакого дела: уже несколько лет школьные мероприятия отлично проходят и без моего участия. Именно поэтому скидываю уличную обувь в мешок и, пока большой интерес ко мне не возродился, ковыляю в чертовски неудобных балетках сначала к гардеробу, затем на второй этаж к кабинету физики. По привычке уткнувшись носом в мобильный, я пытаюсь слиться с невзрачными школьными стенами: на сегодня лимит моего унижения исчерпан. Все, чего я хочу – поскорее добраться до любимой последней парты, достать из рюкзака толстовку и признать свое безоговорочное поражение. Но, видимо, там, наверху, кому-то доставляет особое удовольствие издеваться надо мной.

Не успеваю и глазом моргнуть, а точнее, пройти по узкому коридору последние метров тридцать до нужного кабинета, как за спиной раздается знакомый бас Кротова.

– Не могу я в эти выходные!

– Отказы не принимаются! – следом голосит Лихачев. – Зря я, что ли, Михайловского уламывал найти нам этот квест?

Невольно замедляю шаг и силюсь совладать с дыханием, которое сбивается всякий раз, стоит Егору появиться на горизонте.

– Выходит, зря, – бурчит вечно всем недовольный Данила. – Да и вообще, все эти арбузики достали. Детский сад, ей-богу!

– Ну не скажи, Крот! Место зачетное! «Старый химик», слышал?

– Нет.

– Блин, я все время забываю, что ты не местный! Там раньше санаторий стоял для сотрудников химзавода. Ну как санаторий? Скорее, турбаза. Дикая природа, реки неземной красоты – романтика, одним словом. А потом лавочку прикрыли. Обнесли колючей проволокой и перевели в разряд закрытых объектов. Улавливаешь, чем пахнет?

– Нет.

– Ходили слухи, что там секретную лабораторию организовали. Опыты там всякие проводили... Жуть, в общем.

– А нам там что делать?

– Крот, это когда было-то! Сейчас там обычная заброшка. Несколько лет назад санаторий этот выкупил у области один бизнесмен – хотел обратно турбазу замутить, да силенок не хватило. Он пару домиков отреставрировал и закинул. Вот сейчас там квесты и проводят.

– Не убедил. Горыч, я серьезно не могу в выходные.

– погоди ты отказываться. Там место реально крутое!

– Ладно, давай потом обсудим! Пришли уже.

И точно, подслушивая чужой разговор, я и не заметила, как уперлась носом в деревянную дверь кабинета физики. Недолго думая, хватаюсь за ручку и дергаю её на себя, да только тщетно: дверь заперта. Тяну снова и снова, понимая, что парни подходят все ближе, а встречи с ними лицом к лицу я боюсь как огня.

– А точно у нас физика первым?

Затылком ощущая горячее дыхание Кротова и вся съежилась.

– Да, вроде, а что? – лениво отвечает Лихачев.

– А это тогда кто? – пренебрежительно бросает Кротов, будто я без очереди пытаюсь протиснуться в кабинет врача, чтобы «только спросить».

Неистово цепляюсь за ручку двери, предчувствуя начало конца. Как знаю, что Кротов меня не пожалеет – поднимет на смех в моем дурацком сарафане.

– Не знаю, – отшучивается Егор, немного разряжая обстановку. – Наверное, небеса услышали мои молитвы и послали моему разбитому сердцу длинноногое утешение. Девушка, а, девушка, я угадал?

Мимолетное касание даже через несколько слоев ткани обжигает кожу плеча, тогда как слова Егора забираются в самый сокровенный уголок сердца и напрочь лишают воли. Я как мотылек, летящий на свет яркого пламени, вмиг перестаю бояться опалить свои крылышки и больше никогда не взлететь, и оборачиваюсь.

– Упс, – первым реагирует Лихачев и, выгнув брови, несколько раз пытается сдуть челку с глаз. – Ильина?

Он с нескрываемым любопытством елозит по мне взглядом и, пожалуй, впервые не находит слов. Впрочем, за него на «отлично» срабатывает Кротов.

– Черт! – вопит тот и отскакивает от меня в сторону метра на два, а потом, согнувшись в три погибели, начинает бесстыже ржать на всю школу. – Вот так и оживают кошмары наяву. У вас, у мышей, что, сезонное обострение?

Его издевательский тон вкупе с омерзительным гоготом откровенно втоптывают меня в грязь, унижают, острым лезвием рассекают и без того натянутые до предела нервы. Но разве Дане есть до этого дело? Он продолжает неистово ржать, привлекая к моей растерянной и до ужаса сжатой тушке всеобщее внимание зевак, которые как по команде окружают меня и, глядя на своего вожака, делают, как он: тычут пальцами, отпускают грубые шутки, рассматривают меня, как диковинную зверушку в клетке. А я стою перед ними, беспомощная, ощущая себя голой и грязной и ни слова не могу сказать в свою защиту. Отшатываюсь к запертой двери, крепко обхватываю себя за плечи и тихо дрожу всем телом, отсчитывая секунды своего падения. Ненавижу себя за глупость, Джокера – за этот дурацкий спор, но больше всех – Кротова! Проклинаю день, когда этот парень только пришел в наш класс, и те две минуты, которые перевернули в моей жизни все. Затравленным взглядом смотрю исподлобья на смазливую рожу Данилы и клянусь отомстить. Не знаю, как, не знаю, когда, но в одном уверена точно: я больше его не пожалею! Ни за что!

– Да ладно вам! – Сквозь пелену затуманенного взгляда продирается образ Егора. На его лице тоже улыбка, но от нее не веет злобой, как от Кротова.

Он хватает своего полоумного дружка за плечо и тянет прочь. Данила, вдоволь навеселившись, отходит, а за ним разбегаются и его шавки. И только я продолжаю подпирать спиной запертую дверь и мечтаю умереть, лишь бы только не кололо так сильно в груди. Заставляю себя дышать. Уговариваю ноги не подкашиваться. Мне нужно как-то собрать себя по кусочкам и уйти – на сегодня мой учебный день завершен, но проклятый звонок путает все карты.

– Ильина, от двери отошла! – Тонкий голосок Марии Фёдоровны, нашего учителя физики, комариным писком раздражает слух. – Мне класс открыть нужно! Или в коридоре урок проведем?

Я только сейчас замечаю ее раздутые ноздри и искорки гнева во взгляде, но продолжаю недвижимо стоять.

– Лера, очнись! – поторапливает меня, не понимая, что своими потугами с новой силой настраивает одноклассников против меня. Снова слышатся смешки и замечания, чей-то смех и пустые слова.

– Ну ты чего зависла? – Моей руки касается ладонь Егора – теплая, нежная и до безумия любимая. – Мы уже все оценили твоё преобразование! – смеется он невесомо и тянет на себя. – Пропусти Марию Фёдоровну, ладно?

Киваю. Как в тумане делаю шаг в сторону Лихачева и пропадаю в небесно-голубом омуте его глаз.

– Тебе идет, Лерка! – шепчет он на ухо, пока оголодавшие до знаний одноклассники заваливаются в кабинет, а потом и меня подталкивает пройти в класс, не позволяя сбежать. Впрочем, рядом с ним я уже и не хочу...

Влюблённый человек глуп. Я, так точно, растеряла где-то остатки мозговых извилин. Одна только улыбка Егора, мимолётное касание, бархат тихих фраз – и я забываю обо всех обидных словах, брошенных в мой адрес Кротовым, не замечаю насмешек Громовой и делаю вид, что не чувствую наполненного болью взгляда Маши. Я не виновата, что Егор выбрал меня, правда?

Я честно пытаюсь думать о физике, слушать нудную лекцию историка о далёком прошлом, что-то писать под диктовку на русском, но все мои мысли занимает Лихачёв. Я даже забываю о Джокере и о десятке непрочитанных сообщений от него и каждую свободную минуту мечтательно зависаю, разглядывая любимые черты Егора.

Он держится рядом на протяжении всего дня. Рассказывает о чём-то ерундовом, не важном, но я жадно вслушиваюсь в каждое его слово – оно для меня! Стоило мне стать, как все, и Егор перестаёт меня стесняться. Подмигивает, когда ловит на себе мой взгляд. Смеётся. И в ответ смотрит на меня нежно, заботливо... как когда-то давно, в девятом...когда я думала, что мы навсегда.

Рядом с Егором меня больше не трогают. Не травят. Не бьют в лицо словами и не разбивают душу насмешками. И пусть Кротов подозрительно косится в нашу сторону, а в глазах Голубевой не высыхают слёзы, я позволяю себе с головой окунуться в счастье. Как мало, оказывается, надо человеку, чтоб за спиной проклюнулись крылья!

– Так, ребята, сейчас разбиваемся на группы по четыре человека! – командует классная, своим звонким голосом перекрывая всеобщую болтовню. – Живее! Классный час не резиновый!

Вокруг начинается суета: одноклассники мечутся по кабинету, сдвигают парты, делятся по интересам. Я же по привычке сижу на галерке и жду, в какой квартет меня засунут: по доброй воле мало кто жаждет взять меня в свою компанию. Но сегодня всё по-другому!

– Лер, давай, к нам! – горланит на весь кабинет Лихачёв и машет рукой, отчего внимание всего класса снова концентрируется на мне.

– Горыч, ты издеваешься? – тут же бурчит Кротов, раздувая ноздри. Ему моя компания – как кость поперёк горла. Впрочем, это взаимно.

– Егор! – театрально взмахивает руками Уля. – Нас же и так четверо! – округляет глаза и тонким пальчиком ведёт от себя на Данилу, с того на Машу, и останавливается на Егоре.

– А кто Голубеву звал? Я? Нет! – безжалостно бросает Егор и снова подмигивает мне. На виду у всех!

– Маша всегда со мной! – заступается за подругу Уля и нервно покусывает губы.

– А со мной теперь Лерка! – пожимает плечами Егор и протягивает мне руку, перевалившись через парту.

– Что за бред! – морщит носик Громова. – Это же Ильина! Ты головой ударился, Лихачёв?

Но Егор пропускает мимо ушей выпад Ульяны и с улыбкой ждёт, когда оторву свою пятую точку со стула.

– Лер! – поторапливает он, нетерпеливо сдувая с глаз чёлку. – Идешь?

А я не знаю, как быть! И, вроде, душа, впервые за долгие годы расправив крылья, рвётся навстречу мечте, но затравленный взгляд Машки больно царапает где-то там, в области сердца, и вынуждает меня тормозить.

– Кротик!! – верещит тем временем Громова. – Скажи что-нибудь! – дёргает Данилу за рукав. – Я не собираюсь сидеть рядом с этой дылдой-переростком! Это же позор, Даня! Не отмоемся!

– Крот! – Егор буравит недобрым взглядом Улю. – Всё по-честному! Ты с Улей, я с Лерой. Разве нет?

– Да мне фиолетово! – бросает Данила, вальяжно растянувшись на стуле, а потом со скучающим видом смотрит на Громову. – Малышка, я не обижусь, если ты выберешь компанию подруги.

– То есть как? – Уголки губ Ульяны жалко опускаются, зато лицо Лихачёва начинает сиять ярче начищенного самовара. – Тебе на меня наплевать?

– Ребята, пошустрее рассаживаемся! – вставляет свои «пять копеек» классная. – Ильина, место есть в четвёрке Алёны Колупаевой. Лихачёв, хватит валяться на парте! Ты в школе или где?

Я всё же поднимаюсь с места и, сжав в руке лямку рюкзака, хочу присоединиться к четвёрке местных ботаников-заучек во главе с отличницей Колупаевой. Мне не нужны проблемы! Да и слёзы в глазах бывшей подруги черной кляксой растекаются по моему радужному настроению. Я так не могу! Но всего одно мгновение переворачивает всё вверх тормашками.

– Лерка, не тупи! —Шершавые пальцы Егора цепляются за мои, немного холодные и от волнения влажные.

Это – как в ледяную воду с головой: я забываю, что нужно дышать, в какой-то момент перестаю бояться и, кажется, соображать.

– Ладно! – Голос мой звучит невнятно и до жути хрипло. В голове пустота, ноги ватные, а в сердце алыми розами распускается любовь, настолько отчаянная и долгожданная, что забываю про шипы. А зря...

– Ну что за детский сад?! – вздыхает классная. – Голубева, до четырёх считать умеешь? Нет? Давай к Алёне садись! Начинаем, ребята, а то не успеем!

Маша поджигает губы, отчаянно хватая рюкзак и, наградив меня ненавидящим взглядом, пересаживается. Понимаю, что так просто она своего не отдаст и на пару с Громовой ещё не раз окунёт меня в грязь с головой, но это будем потом. А пока я ловлю каждый миг, здесь и сейчас спешу надышаться моим Егором и до конца не верю, что так бывает.

Сегодня по плану у нас урок финансовой грамотности. Наши четвёрки – это банки, торговые центры, домохозяйства... Я не вникаю, от слова «совсем». Сидя рядом с Егором плечом к плечу, я растворяюсь в аромате его туалетной воды и тихо схожу с ума от желания снова переплести наши пальцы. Но в отличие от меня Лихачёв с головой уходит в игру. На пару с Кротовым они пытаются удержать на плаву нашу команду, но, когда из четверых думать способны только двое, шансов на победу остаётся немного. Вот и мы становимся банкротами и первыми вылетаем из игры.

Кротов недовольно ворчит, Егор старательно сглаживает углы, а Уля не находит ничего другого, как списать наше поражение на меня. Впрочем, мне всё равно: сегодня я и так сорвала самый большой куш.

Между тем игра подходит к концу. Голубева вместе с командой получает главный приз и на месяц освобождается от дежурства. А классная ловит последние минуты до звонка и спешит донести до нас информацию об арбузнике: турбаза далеко за городом, заказной автобус, квест... Я снова не слушаю: всё равно не поеду. Вместо этого наслаждаюсь последними мгновениями близости с Егором и вздрагиваю, когда школьный звонок ставит точку в моём безумстве.

– Не расходимся! – гремит классная. – Мне нужно точно знать, кто едет! Так, поднимаем руки.

– Кротов, не вижу!

– Я не могу на выходных.

– Ильина?

Мотаю головой: такие поездки не для меня, да и отец ждёт, что поеду с ним к деду. И все же...

– Поехали, Лер, – шёпотом на ушко просит Егор. – Будет круто!

И я киваю, а потом совершаю самую большую ошибку в своей жизни: поднимаю руку.

Глава 6. Не по плану

Даня

– Ты не можешь просто взять и всех кинуть! – бурчит Лихачёв, путаясь в пуговицах собственной сорочки.

– Это ещё почему? – усмехаюсь, натягивая спортивную футболку. Какой смысл прятать ссадины, если все вокруг поверили в мою ложь?

– Да просто потому, что ты – это ты! – злится Егор и, кажется, вот-вот с мясом вырвет несчастные пуговицы. – Ты ещё ни одной тусы не пропустил! Сейчас-то что?

– Дела, – отвечаю сухо, не вдаваясь в подробности, и со скоростью света шнурую кроссовки. Опоздание на тренировку по футболу чревато сотней отжиманий, а мне и без того всё ещё хреново. – Шевелись, Горыч!

– Ненавижу эту дурацкую форму! – психует Лихачёв и всё же отрывает пару пуговиц. – И классные часы – тоже в топку! Вечно Григорьевна нас задерживает!

– Да ладно тебе! Успеваем!

– Не день, а чёрт-те что! – продолжает ворчать Егор.

– Ну в «чёрт-те что» ты сам его превратил!

Готовый в любую секунду сорваться в зал, я ловлю последние мгновения отдыха и, вытянув ноги до середины раздевалки, с ухмылкой смотрю на Лихачёва.

– Ты с Ильиной-то на кой хрен связался?! Нормальные тёлки приелись совсем?

Сколько я ни пытался весь день уловить ход мыслей Егора, так и не смог понять, зачем тот пристал к нашей крысе. Любовь? Нет, конечно! Нужно быть на голову от мороженым, чтоб вспылать чувствами к этому невзрачному подобию девушки. Мало того, что Ильина совершенно непривлекательна внешне, так ещё и зашуганная какая-то, скучная, нудная – короче, вообще ни о чём, и уж точно не во вкусе Егора. А с последним, стоит заметить, у парня проблем никогда не было, как, впрочем, и с выбором очередной подруги. Девушки слетаются на него, как пчёлы на мёд. Смазливому, шумному, весёлому Лихачёву достаточно поманить пальчиком, и любая пойдёт за ним. Так какого дьявола он творит с Ильиной?! Неужели совсем крыша от скуки поехала?

– А-а! – стонет раненым зверем Егор. – Не напоминай мне об этой дуре! Я и сам не рад! Видел, как она поплыла?

– Да она по жизни мутная! – ржу на всю раздевалку. – Проспорил, что ли, кому?

– Ну можно и так сказать... – Лихачёв обречённо закатывает глаза к потолку, а потом внезапно поднимает указательный палец и срывается в хохот. – Ты прикинь, если Ильина реально на квест припрётся! Вот ржака-то будет!

– Ну да! – продолжаю веселиться. – Так и представляю, как она со своей кислой физиономией из подземных бункеров выходит и за ноги всех хватать начинает!

– Дьявол, Крот! И как это теперь развидеть? Она же любого вурдалака переплюнет в своём чёрном капюшоне. – Егор в притворном ужасе округляет глаза. – Чур меня! Чур!

– Девочки, вот я не понял! – Наше веселье прерывает грубый голос физрука. – Вам особое приглашение нужно? Кротов, Лихачёв – по сотне отжиманий каждый! Бегом марш!

Мышцы неприятно гудят, а в желудке давно урчит от голода. Тренировка закончилась с полчаса назад, но я вынужден торчать во дворе школы и ждать Улю. В кои-то веки Громова задумалась об учёбе и, пока я наматывал километры под надзором Палыча, познакомилась с новым для себя словом – «читальный зал».

Стою у крыльца и, навалившись на стену, ловлю носом солнечных зайчиков. Я люблю осень, несмотря ни на что. Мне по кайфу наблюдать, как кружат в воздухе пожелтевшие листья,

слушать, как они шуршат под ногами, да и вообще от осени веет спокойствием, что ли. А оно в моей жизни на вес золота.

– Кротик, заждался? – Ну вот и приехали!

Уля оставляет на моей щеке липкий след от поцелуя. Я морщусь. Сколько раз просил её не красить губы этим вонючим блеском, не называть меня Кротиком и избавить от лобызаний на виду у всей школы! Но похоже, пора смириться с тем, что Громова – это та самая рыбка Дори, у которой грандиозные проблемы с краткосрочной памятью. Ладно, зато красивая и не лезет в душу...

– Пошли уже. – Обнимаю её за талию и тащусь с ней к остановке общественного транспорта.

– Почему ты вечно на автобусе? – ворчит Громова, быстро перебирая стройными ножками, чтобы угнаться за мной, и с завистью поглядывает в сторону Егора.

Упершись взглядом в экран смартфона, Лихачёв стоит на школьной парковке и ждёт, когда за ним по обыкновению пришлют тачку. Егор, как и я, живёт на окраине города в частном доме, но в отличие от меня никогда не толкается в переполненном транспорте.

– Твой отчим куда круче, чем отец Лихачёва, – не унимается Уля. – Почему ты не можешь попросить у него личного водителя и нормальное авто?

– Ты опять начинаешь? – убираю руку со спины Громовой. Её дурацкие претензии уже сидят в печёнках! – Не хочешь со мной – не надо! Сама ж в гости напросилась!

Понимаю, что поставить точку в наших отношениях готов хоть сейчас – был бы повод. Вот только Уля держится за нашу выдуманную любовь как за соломинку, боится разрыва, точнее, потерять статус моей девушки. Громова, как и я, привыкла быть первой во всём. В этом мы с ней похожи...

– Дань, ну ты чего? Обиделся? – Уля льнёт ко мне голодной кошкой. – Я просто иногда тебя не понимаю.

Усмехаюсь: не иногда, увы.

Впрочем, я и не жду понимания. Я от Громовой вообще ничего не жду. Она – как дорогие часы или айфон последней модели. Так, безделушка для статуса.

– И чего ты не понимаешь? – Засунув руки в карманы джинсов и хмуро шаркая ботинками по опавшей листве.

– Например, почему ты отказался ехать на квест?

– Я с Ванькой обещал посидеть на выходных, – признаюсь честно и прикрываю глаза, когда замечаю на лице Ульяны брезгливую гримасу.

Я уже сто раз пожалел, что рассказал ей о Ване. Впрочем, Уля в тот день просто не оставила мне других вариантов, без предупреждения заявившись в гости и застав меня с братом в саду.

– Этот инвалид тебе дороже меня?

– Он мой брат, не забывайся!

– Отлично! Просто замечательно! – Громова тут же перестаёт ластиться ко мне и недовольно надувает губы. – А что, сиделки вымерли все?

– Уль... – мотаю головой.

Что толку ей объяснять! Всё равно не поймёт!

– Бесит меня твой брат! – отчаянно шипит Громова. – У самого жизни нет, так ещё и нам вечно палки в колёса вставляет!

– Ты нормальная вообще?! – закипаю, забыв, куда шёл.

– Давай, Кротик, расскажи ещё, как ты его любишь! – Уля ехидно лыбится, окончательно выводя меня из себя. – Так любишь, что скрываешь его ото всех!

– Я тебе уже объяснял, почему...

Хватаюсь за голову: я так и знал, что рано или поздно Громова использует свой главный козырь против меня.

– А я тупая, ты забыл?

– Уль, не надо!

До остановки остаётся метров десять, но я замираю на месте как вкопанный. Хочу послать Громову далеко и надолго, но понимаю, что в ответе не только за себя. Я уже всё это проходил: всеобщую жалость, чужие подколы, которые не могу пропустить мимо ушей, а значит, снова драки, звонки домой из школы, срывы отчима – я сыт этим по горло! Именно поэтому мы и переехали полтора года назад в этот городок, где никто толком ничего не знает о нашей семье и наших проблемах. Именно поэтому я молчу, скрывая Ваньку за семью печатями от злых языков.

– Мне осточертели твои проблемы, понимаешь?! – Уля хмурится и повышает на меня голос. – У тебя на всех есть время: на брата, на футбол, на друзей – только не на меня!

– Раньше тебя всё устраивало, разве нет? – Я готов рассмеяться в лицо Громовой, если только заикнётся о великой любви. Мы оба знаем: перегорело, так и не засияв.

– Раньше! – повторяет за мной Уля. – Раньше ты был номер ван, а сейчас – так, середнячок!

– Ого! – Я всё же сгибаюсь пополам от смеха. Правда, на душе ни хрена не весело. – И кто же у нас теперь номер один, а, Уль? Поделишься?

Громова чувствует, что на эмоциях сболтнула лишнего, и начинает растерянно озираться по сторонам.

– Я жду, родная!

– Да хотя бы Лихачёв! – отчаянно бросает она, зацепившись взглядом за его одинокую фигуру на парковке.

– Ну так и вали к нему! – развожу руками. – Думаешь, зареву? Хотя стой! Жаль тебя огорчать, да только вакантное место рядом с новым лидером отошло Ильиной! Так что участь твоя, Улечка, весьма незавидная: прозябать со мной или вообще скатиться в забвение в объятиях какого-нибудь прыщавого очкарика. Выбирай!

– Кро-оти-ик, — испуганно тянет Громова. – Ну ты чего агришься?

– Да хорош уже меня Кротиком называть! Достала!

– Дань... – покачивает головой стерва и виновато опускает лживый взгляд. – Я погорячилась. Прости. Мне же никто другой не нужен, только ты!

– Ладно, проехали! – раскачиваясь на пятках, пытаюсь усмирить гнев. Только войны с Громовой мне сегодня не хватало, да и вообще я дико устал!

– Я, наверно, к себе пойду, – продолжает бубнить себе под нос Ульяна. Наверно, ждёт, что я начну её отговаривать, только сегодня в своей глупости она зашла слишком далеко. Поэтому сухо киваю и остаток пути до остановки преодолеваю в гордом одиночестве.

Домой я захожу всё в том же дрянном настроении. Мне снова хочется всё бить и крушить, но вместо этого я вынужден лицеизреть, как Валера выкатывает мамин чемодан в прихожую, и битый час выслушивать наставления.

– Мы вернёмся в понедельник вечером. – Окрылённая предстоящей поездкой, мама буквально светится от счастья, а я едва сдерживаю рвотные позывы. Неужели она не боится, что однажды муженёк пришибёт её где-нибудь по дороге в аэропорт или в гостиничном номере? Чёрт! Прямо сейчас мать отчаянно напоминает мне Громову: такая же тупая приспособленка!

– За Ваню головой отвечаешь! – гремит отчим, всё ещё не решаясь посмотреть мне в глаза.

Сегодня он трезвый и одет с иголочки. Не мужчина – мечта! Кто бы только знал, что за личиной красавчика скрывается безжалостный зверь!

– Даня, телефон сиделки на холодильнике. – В ожидании авто мать беспрестанно вертится у зеркала. – Но часто её не тревожь, ладно? Сам знаешь, Ваня не подпускает к себе чужих! «Господи, да он и тебя к себе не подпускает!»

Но вместо слов просто киваю. А когда огоньки фар такси растворяются в сентябрьском закате, выдыхаю с облегчением. Я только сейчас начинаю понимать, как сильно нуждаюсь в отдыхе от своего окружения.

Хватаю из холодильника кусок ветчины, батон и пакет молока и со всем этим добром поднимаюсь к себе. На бегу заглядываю к Ваньке – даю знать, что дома. Мелкий кивает, но тут же возвращается к монитору, на экране которого, как и всегда, бликует мессенджер. Брат с кем-то увлечённо переписывается, а я чувствую, что лишний, и ухожу. На репит ставлю любимый трек и позволяю голоду кануть в Лету, запивая свежую мякоть батона молоком. А после иду в душ. Но сколько бы ни пытался смыть с себя пакость этого дня, ни черта не выходит. И, вроде, обычный день, если не считать стычки с Громовой, но что-то тяжёлое и необъяснимое тисками сжимает сердце, словно я упускаю из вида нечто очень важное.

Стоит стрелке часов перевалить за шесть вечера, спускаюсь в столовую. Наспех жарю яичницу и нарезаю овощи, завариваю чай для Ваньки и достаю с верхней полки его нескончаемые таблетки. А потом, водрузив на поднос нехитрый ужин, снова поднимаюсь на второй. В комнату брата вхожу без стука: он всё равно не услышит. Внутри темно, и только тусклое мерцание от монитора робко освещает силуэт Ваньки.

– Ты чего без света сидишь? – бросаю в пустоту и, виляя бёдрами, как стриптизерша у шеста, умудряюсь попасть пятой точкой по выключателю. Спальня брата мгновенно заполняется желтовато-тёплым свечением люстры, а я наконец нахожу, куда поставить поднос.

Жду, что Ванька обернётся и обрадуется моему визиту, учует запах еды и, жадно потирая ладони, начнёт с интересом выглядывать, что я принёс. Но, похоже, пацану не до ужина. Он отчаянно стучит по буквам на клавиатуре и с упоением смотрит в экран.

– Мелкий, ты чего? – Осторожно, дабы не напугать, кладу ладонь на острое плечо брата, чтобы ненадолго переключить на себя его внимание. Но Ваня весь там: с виртуальным другом в виртуальном разговоре, только печаль на его лице вполне себе реальная.

– Я поем позже, – объясняет на пальцах, уделив мне не больше минуты своего времени. – Я пока занят.

– Ладно, – киваю и ухожу.

На душе неприятно свербит, но я списываю это на усталость. Спускаюсь на кухню. Остатки остывшей яичницы заглатываю, так и не ощутив её вкуса. Врубаю в гостиной «Нетфликс» и до полуночи смотрю всякую ересь. Нет, быть может, фильмы и ничего, но мысли так и вертятся вокруг брата, грубости Ули, отъезда родителей...

Перед сном я заглядываю в Ванькину комнату. Как и следовало ожидать, он опять не спит. Без устали скользит пальцами по клавишам, а сам где-то очень далеко. На столе замечаю поднос с нетронутой едой и лекарствами и не на шутку закипаю.

– Какого чёрта?! – повышаю голос, позабыв, что брат ни черта не слышит, и рывком разворачиваю его кресло к себе.

Малой морщится и всем своим видом даёт понять, что я не вовремя.

– Ты так и не поел! – демонстрирую жестами своё возмущение.

Он пожимает плечами, а сам продолжает пялиться в экран. Что там такого важного?

– Ты даже таблетки не выпил! – продолжаю возмущаться.

– Позже! – отмахивается от меня брат. – Иди спать!

– А ты?

– Я потом сам лягу! Я могу. Ты знаешь.

– Ладно, – соглашаюсь. В конце концов он, как и я, имеет право на отдых от всех нас.

Я долго ворочаюсь в кровати и не могу заснуть. Раз двести проверяю сообщения в соц-сетях, но всё тихо: Уля не скулит, моля о прощении, Лихачёв не мелет всякую чушь, даже пацаны, и те не спросят, как дела, и не поделятся очередным тупым сторисом. Непривычная тишина возвращает меня к словам Громовой, что я давно перестал пользоваться авторитетом среди своих. И, вроде, понимаю, что чушь – меня по-прежнему боятся и уважают, но неприятный осадок на дне души всё же остаётся.

Я засыпаю с восходом солнца, и стоит ли удивляться, что утром не слышу будильник. Наплевать на учёбу и весь день проваляться в кровати – тот ещё соблазн, но начавшие желтеть синяки под рёбрами – лучшее напоминание о том, что прогулы – это зло. Я резко вскакиваю с постели, наспех чищу зубы и одеваюсь. На лету заглядываю к Ваньке, но тот дрыхнет без задних ног, и я решаю в очередной раз его не трогать. Срываю с холодильника листок с номером сиделки, намереваясь вызвать несчастную, чтоб накормила малого обедом, а сам на голодный желудок несусь в школу.

Пятница – день идиотских шуток и бесконечных уроков. Алгебра, геометрия, химия сменяются стихами на уроке литературы и разбавляются непрерывным бурчанием Ули. Она снова всем недовольна: я не так ем, не то пью, недостаточно часто беру её за руку, и слова мои всё не о том и не с той интонацией. Создаётся ощущение, что Громовой на завтрак подают отвар белены, а она ещё и добавки просит.

Бессонная ночь отзывается непроглядным туманом в башке и заторможенностью мыслей. Наверно, поэтому мне абсолютно наплевать, зачем Горыч снова крутится возле Ильиной, а физрук спускает на меня всех собак. Я пропускаю мимо ушей бесконечные разговоры о завтрашнем дурацком квесте и едва не забываю вызвать сиделку для Вани. Всё, чего я хочу – это выспаться. Всё, о чём думаю – о своём ускользающем из рук авторитете.

Уроки, тренировка, пятничный поход в кофейню с Улей – домой я возвращаюсь под вечер, и первым делом стремглав несусь к брату.

В его комнате убрано и проветрено, а на столе стоит поднос со свежей едой. Сам же пацан по обыкновению с кем-то чатится и почти не обращает на меня внимания.

– Вань... – Я бросаю у порога рюкзак и, опустившись на корточки рядом с креслом, перехватываю слегка озябшие ладони брата в свои.

Дежурная улыбка касается его губ, но взгляд всецело прикован к экрану и мигающему курсору в поле для ввода нового сообщения. Я отлично помню наш уговор не лезть в личную жизнь друг друга, но сейчас меня распирает от любопытства и, наверно, ревности: еще недавно центром его вселенной был я...

– С девочкой своей болтаешь? – От волнения путаю жесты, но суть вопроса мелкий улавливает на «отлично».

– Да! – кивает немного смущённо.

– Расскажи мне о ней.

– Потом.

– Давай фильм посмотрим? – Я не хочу уходить, да и Ване не помешает развеяться. Безвылазно сидеть в чатах – то ещё удовольствие! Но брат в очередной раз выбирает не меня.

– Не сегодня. – Он снова пытается мне улыбнуться, а сам изнывает от желания поскорее открыть новое сообщение от своей виртуальной девушки.

Я поднимаюсь на ноги и, привалившись спиной к шкафу, достаю мобильный. Что ж, если Ванька привык общаться с миром с помощью мессенджеров, пусть будет так!

ZipperFly[05.09 17:02]: Вань, что происходит? Ты второй день сам не свой!

Joker [05.09 17:04]: Чего тебе, Вэжик?

Брат закатывает глаза, как манерная девица, и ухмыляется.

ZipperFly[05.09 17:06]: Чего?! Ты опять не поел! Опять целый день перед компом зави-саешь! Так нельзя!

Joker [05.09 17:07]: Не превращайся в строгую мамочку!

ZipperFly[05.09 17:09]: Вань, я просто волнуюсь.

Joker [05.09 17:12]: А я хочу побыть в одиночестве, прикинь? А ты мне мешаешь!

ZipperFly[05.09 17:13]: Ну извини!

Я вылетаю из спальни брата неуправляемым вихрем. Раза три спускаюсь на первый и столько же возвращаюсь к дверям спальни. А потом не выдерживаю и снова беру в руки мобильный.

ZipperFly[05.09 17:48]: Я из-за тебя свернул все планы на выходные!

Joker [05.09 17:51]: Я не просил!

ZipperFly[05.09 17:52]: Как ты не понимаешь: я за тебя головой отвечаю!

Joker [05.09 17:54]: Не надо. У меня своя на плечах.

ZipperFly[05.09 17:55]: Я хочу помочь!

Joker [05.09 17:56]: Я съят твоими советами по уши!

ZipperFly[05.09 17:56]: Да что с тобой?!

Я жду, когда Ванька ответит. Проходит минута, вторая, десятая, но парень молчит. С ноги открываю его дверь – я, чёрт побери, волнуюсь за этого негодника! Но брат давно отложил в сторону мобильный и всецело поглощён общением со своей подружкой.

ZipperFly[05.09 18:14]: Чем она лучше меня?

Меня раздрает немыслимая злость: как можно живому человеку предпочесть дурацкий фантом, как можно предпочесть меня левой девке?!

Ванька замечает новое сообщение на экране мобильного. Бегло читает. Оборачивается. А потом выдаёт ответ.

Joker [05.09 18:18]: Я задыхаюсь от тебя! Оставь меня в покое!

И я ухожу. Пишу сообщение сиделке, что завтра та нужна будет Ване на целый день, а потом набираю классную и, извинившись за поздний звонок, прошу записать меня на квест в «Старый химик». Мне везёт: от поездки накануне отказалась Егорова, и нас без проблем меняют местами. Что ж, если Ваньке так нужно личное пространство, он его получит сполна!

Глава 7. Предатель

Даня

Немного не таким я представлял себе субботнее утро. Вместо того чтобы выспаться наконец и в компании брата насладиться завтраком, я вынужден прятаться от моросящего дождя на остановке общественного транспорта, чтобы успеть приехать к школе к нужному часу. О том, что мои планы дали кругалю, я решил никому не сообщать. Вчера был до одури зол на брата, а сегодня, как обычно, проспал. Да и разве должен вожак стаи оправдываться? По мне, так точно, нет.

Впрочем, о своём решении явиться неожиданно-негаданно я жалею сразу, как сворачиваю с остановки к школьному паркингу и натыкаюсь взглядом на тачку Лихачёва.

Это как в бородатом анекдоте о муже, внезапно вернувшемся домой из командировки, – совсем не смешно, а порой и противно.

Тело каменеет, а мысли растекаются бесформенной лужицей, пока смотрю на переплетённые ладони Громовой и Егора. Мне даже не нужно объяснять, какого хрена они приехали вместе. И по их влюблённым взглядам ясно: сегодня ночью меня предали оба.

Первое желание – развернуться и идти прочь. Я совершенно точно не готов к скандалу, да и драка во дворе школы чревата разборками с отчимом. Впрочем, было бы за кого драться! И всё же меня скручивает в бараний рог от неприятия ситуации. Предательство – это всегда погано, но здесь другое... Я не дурак и понимаю, что этот союз больно ударит по моей репутации.

Наверно, поэтому отхожу за угол и пытаюсь отдышаться. Дёргаю волосы на башке, заставляя ту думать, и даю время паршивым голубкам сбрызнуть с моих глаз. Считаю до ста, чтоб хоть немного прийти в себя, а потом натягиваю на рожу маску безразличия и вальяжно шагаю к входу в школу. Возле крыльца нахожу всех наших и хмыкаю, стоит заметить, как Громова напояк ластится к Маше, у которой своими руками увела парня, а Лихачёв с улыбкой Чеширского Кота обхаживает довольную Ильину. Вот уроды! Актёры хреновы!

– Крот! – раскатом грома гремит Косолапов. – Ты ли это?

Своим недетским басом парень невольно привлекает внимание собравшихся к моей персоне, а я с нескрываемым, каким-то нездоровым удовольствием наблюдаю, как сползают довольные улыбки с физиономий предавших меня бывших друзей.

– Куда вы без меня! – ржу через силу и, засунув брезгливость в самый потаённый уголок души, подхожу к Громовой. И пока та лживо мне улыбается, изображая пай-девочку, смачно впиваюсь поцелуем в её губы – пошло, развязно, напояк.

– Сюрприз, детка, – Прижимаю к себе подлую суку. Ощущаю, как она взволнованно дышит в моих руках, но ни слова не смеет возразить. – Не вижу радости, малышка! Разве так встречают любимых мальчиков, а?

Я снова облизываю её губы, оставляя мокрые следы, как дикий зверь, помечающий территорию. Если кто и покусится на моё, то жрать будет объедки!

– Почему ты не сказал, что придёшь? – суетливо подбирает слова мерзавка, а у самой глазки в пол и отчаяние во всю смазливую мордашку. Ну ничего, за своё предательство она ответит мне сполна!

– Громова, ты без меня пропадёшь! – шепчу ей на ухо, играя языком с её серёжкой-гвоздиком, а потом перевожу взгляд на Егора. Лживый шакал раздувает ноздри, но понимает, что ни черта не может мне предъявить: Громова всё ещё со мной, а я всё ещё главный!

Лихачёв коряво улыбается и делает вид, что несказанно рад встрече. Гадёныш! Что ж, эта игра определённо начинает мне нравиться!

В приветственном жесте машу ублюдку рукой и, ухватив за талию обмусляканную куклу, подхожу ближе к парню. Вижу, как раздуваются его ноздри, а грёбаная ревность ядом разливается по венам, и всё откровеннее начинаю ласкать его зазнобу своим языком. Господи, как же мне сейчас хреново!

– Одиннадцатый «А»! Все собрались? – вырывает меня из невыносимой агонии звонкий голос нашей классной. – Автобус пришёл! Давайте посчитаемся, и в путь! Дорога долгая – как-никак, шестьдесят километров от города.

Григорьевна суетливо начинает водить пальчиком по каждому из нас, проставляя галочки в своём списке, а я тем временем вплотную подбираюсь к Егору.

– Здорова, брат! – хлопаю подонка по спине. – Как настроение?

– Нормально, – сипит тот, нервно сдувая со лба белобрысую чёлку.

– А я смотрю, у вас всё серьёзно? – произношу нарочито громко и веду подбородком в сторону Ильиной. – А говорил, спор, спор!

Эта «мышь» снова сменила нормальную одежду на бесформенную чёрную толстовку и, как последняя идиотка, продолжает ласкать сумасшедшим от любви взглядом профиль Горыча. Когда до этой дремучей дуры дойдет, что ее использовали?! Впрочем, плевать я на неё хотел!

– А... ну... ты... – разводит руками Егор, а сам отходит от местной чувырлы в сторону. Спор спором, но запятнать свою репутацию общением с Ильиной можно на раз. Хрен потом отмоешься! И Егорка это понимает, как никто другой, тем более, если помышляет занять моё место.

– Да ладно тебе, Лихачёв! – притворно ржу, не без удовольствия отмечая, сколько пар глаз сейчас следят за нами. – Только слепой ещё не заметил, как ты смотришь на нашу «мышку». Странный выбор, конечно. – Сморщив нос, окидываю взглядом Ильину под нервное хихиканье Ульяны. – Но, походу, первая любовь не ржавеет, верно, Горыч?

Идиотский смех Громовой мгновенно смолкает. Егор заметно напрягается, а бледные щёки Ильиной расцветают алым. Постыдная тайна вот-вот станет достоянием класса и, уверен, больно ужалит расчётливое сердце Ули. Она же привыкла любить победителей, так пусть попытается разглядеть такового в лице Егора, когда я озвучу правду.

– Крот, ты чего? – предостерегающе пыхтит Егор, играя желваками.

Ну вот, теперь вижу: придурку не на шутку страшно. Выглядеть в глазах одноклассников жалким Ромео, которому однажды от ворот поворот дала не просто девчонка, а наша клуша Ильина – позор в кубе. Егор понимает, озвучь я грёбаную правду, и ему никогда больше не взлететь. Наша Лера – это мёртвый якорь, который кого хочешь потянет за собою на дно.

– А что, есть что скрывать, Горыч? – снова ржу, пока подонок хватается ртом воздух.

– Я понятия не имею, чего Ильина трётся со мной рядом, – бухтит Егор, раз за разом смахивая непослушную чёлку. Оглядывается по сторонам, ища поддержку в глазах пацанов, но, видимо, так и не понял: танцевать на костях аутсайдеров – предел их мечтаний!

– Вали отсюда, Лера! – кипятится Лихачёв, не желая больше иметь ничего общего с Ильиной.

Это раньше она была нормальной, класса так до девятого. Я успел застать время, когда Лера носила юбки и даже пыталась флиртовать с парнями, умела смеяться и не боялась постоять за себя. У неё даже подруги были. Если мне не изменяет память, она общалась с Голубевой и вполне могла занять место Громовой. В отличие от последней Ильина всегда неплохо соображала и, кажется, подавала надежды в спорте. А ещё ей верили все на слово, а она этим пользовалась и часто распускала сплетни, за что и поплатилась!

Впрочем, Егор совершенно точно не собирается ворошить прошлое. Знаю, как он стыдится своих детских чувств к нашей крысе, а потому не сильно удивляюсь, когда придурок изворотливо врёт:

– Я просто проспорил Даниле, что уговорю Ильину поехать с нами, – оправдывается перед зеваками Лихачёв. – А она уши свои развесила, дура!

– Мне проспорил? – вглядываюсь в лживые глаза Лихачёва. Господи, как искусно он врёт! Сколько раз Егор точно так же смотрел мне в глаза, прикидывался другом, а сам втыкал нож мне в спину.

– Ненавижу! – жалобно пищит Ильина, шарахаясь от нашей компании, как от заразных больных.

– Ладно, признаю – проиграл! – смеётся Лихачёв, наблюдая за беглянкой. – Доволен, Крот? Провёл меня, и опять в шоколаде!

Да только я не успеваю прояснить ситуацию, а Ильина – смыться подальше: нас всех тормозит звонкий голос классной.

– В автобус! В автобус! Живее, ребята! – Она, как курица-наседка, сгребает нас в охапку и подталкивает к бело-синему «пазику».

– Я передумала. Я домой хочу! – скулит на заднем плане Ильина, жалкая, как и всегда! Да и Бог с ней! Сейчас меня волнует Лихачёв!

И пока Ирина Григорьевна разбирается с Лерой, я хватаю ублюдка за шкуру и требую объяснений.

– И давно ты научился лгать, Егорка? – Голос мой тихий, но Лихачёв знает, что я не шучу. Ещё одно неверное слово, и вместо квеста придуток поедет в больничку.

– Ты обещал, что никому не выдашь меня! – шипит сквозь зубы Егор.

– А ты клялся мне в дружбе, Горыч, забыл? – Боль острым лезвием полосует по сердцу. – Разве друзья лгут?

– Так я и соврал тебе, Крот, во благо! – Лихачёв всё ещё надеется выйти сухим из воды. Идиот!

– Ты солгал! – Крепче сжимаю ворот его кофты. Ещё немного, и на шее ублюдка останутся следы. – И не только сейчас...

Разочаровываться в людях всегда непросто, но я оставляю Горычу шанс повиниться и тем самым не разрушать до конца наш хрупкий мир, но Егор его упускает.

– Да я просто испугался! Ты сам виноват! – Он пытается освободиться, но куда там: его страх против моей боли – ничто!

– Даже так? И в чём моя вина?

– А какого чёрта ты пристал ко мне с Ильиной?! Я же сказал тебе, что не по доброй воле обхаживал эту мымру.

– А по чьей?

– Не важно! Это вообще не моё дело... Но я тебе клянусь, Данила: это единственный раз, когда я солгал!

– Значит, больше никогда?

– Никогда!

– Да ты прямо сейчас мне в лицо врешь! – Я всё-таки сдавливаю горло ублюдка до алых полос на коже.

– Ты о чём? – хрипит гад.

– Я всё видел, Горыч! На парковке сегодня утром... Тебя и Грому.

– Ты всё не так понял!

– Да что там понимать?

– Я объясню!

– Зачем? Хочешь Грому, так забирай! Я не жадный. Только скажи, тебе самому не тошно целовать их всех после меня?

Лихачёв перестаёт вырываться и смотрит на меня с презрением. Ответ очевиден: тошно.

– Егор, Даня! Вас одних ждём! – ураганным ветром налетает на нас классная. – Ну! Кро-
тов, отпусти Егора! Пойдёмте! Пойдёмте! Успеете ещё подраться!

Выпускаю из рук ворот толстовки Лихачёва и иду к автобусу: мы ещё обязательно вер-
нёмся к этому разговору, но только не под носом Ирины Григорьевны и не на глазах у одно-
классников.

Нам как опоздавшим достаются единственно свободные места в автобусе – спереди, по
разные стороны от классного руководителя. В её занудной компании и без того долгая дорога
кажется и вовсе бесконечной. Яркими красками зарождающейся осени за окном мелькает лесополоса, а серая змейка трассы всё сильнее запутывает наши следы. Мой внутренний компас
давно дал сбой – я не понимаю, куда нас везут. Впрочем, это и не важно. Все мои мысли роятся
вокруг ситуации с Улей и Егором. Но сколько бы ни прокручивал в голове случившееся, вер-
ное решение на ум не идёт. Я обязан отомстить, проучить предателей, чтобы больше не одной
твари неповадно было плести интриги за моей спиной, но в то же время понимаю, что дико
устал от всего этого дурдома.

– Ещё раз напоминаю! – Голос Ирины Григорьевны колокольчиком звенит в башке. –
За территорию базы никто не выходит. В закрытые домики – ни ногой! Нам выделили корпус
номер семь. Там оставляем сумки, лишние вещи и ровно в одиннадцать встречаемся на веранде
у столовой.

– Нас кормить будут? – доносится с последнего ряда сидений бас Косолапова.

– Лёша, ну ты чем слушаешь?! – вздыхает классная. – База давно не работает.

– Ну вы сами заикнулись про столовую! – ржёт бугай. – Я вас за язык не тянул, Ирина
Григорьевна! А теперь рассчитываю на первое, второе и десерт!

– Лёш, ну сказали же, – произносит поучительным тоном Колупаева. – Перекус и чай в
термосах брать с собой.

– Я не взяла! – испуганно вскрикивает Егорова.

– Я тоже, – обречённо басит Лёша.

– Ну, здорово! Ирина Григорьевна, ну почему вечно за чужую безответственность отду-
ваться приходится тем, кто всё делает на совесть?!

– Ребята, поднимите руки, кто взял с собой термос! – повышает голос классная, пере-
крикивая гул чужих разговоров, а я лениво прикрываю глаза и позволяю себе провести остаток
пути в сладкой дреме.

«Старый химик» встречает нас морозящим дождём, пронырливым ветром и раскисшей
грязью под ногами. Стоит нам выползти из «пазика», как сразу попадаем в плен вековых сосен
и елей. Они угрожающе окружают нас мощными ветвями с нанизанными на иголки искри-
стыми каплями дождя и своими верхушками уходят в самое небо, такое серое и низкое, что,
кажется, ещё немного, и оно придавит нас своей морозящей безнадёгой.

– Все вышли? Никого не забыли? – Григорьевна по обыкновению суетится, торопливо
пересчитывая каждого из нас, а потом по узкой тропе, засыпанной мокрой хвоей и опавшими
листьями, ведёт за собой к базе.

Нехотя ступаю за всеми, отчаянно не понимая, какого лешего нужно было забираться в
непролазную глушь ради обычного квеста. Впрочем, судя по кривым лицам одноклассников,
подобного мнения придерживается каждый второй из нас.

Минуты через две мы выходим к деревянному забору, заметно посеревшему и покосив-
шемуся от времени. Трухлявый, местами сгнивший, он ни черта не скрывает, зато придаёт
некой жути этому и без того мрачному месту, а старые ворота, изрядно проржавевшие, так и
освежают в памяти кадры из советских фильмов о пионерлагерях.

– Нам только галстуков красных не хватает! – бубню себе под нос, беспрестанно поправ-
ляя воротник толстовки. Мне холодно. И с каждым новым порывом ветра всё больше хочется
вернуться в город.

– И звёздочек октябрятских! – заливисто хохочет Косолапов, толкая меня в плечо. Я и не заметил, когда он успел меня догнать.

– Куда тебе звёздочку-то, пионер-переросток? – передразниваю верзилу, а сам исподлобья поглядываю на Лихачёва.

Егор, как и я, не испытывает щенячьего восторга от окружающей нас атмосферы, да и вообще со своей кислой рожей всё больше напоминает грозовую тучу. Я даже немного скучаю по тем временам, когда считал его другом. Как ни крути, но в таких пропитанных ужасом местах человеку нужен рядом человек, я же, походу, остался совсем один.

– Тишина! – командует учительница, в очередной раз выдёргивая меня из пучины переживаний.

– Ну чего вы растянулись, как дождевой червяк на асфальт?! —Укрывшись от непогоды за широким капюшоном ветровки, Ирина Григорьевна машет руками и подгоняет нас жестами. – Живее! Живее! Уля, лицо попроще сделай! Лера, шевелись! Хватит уже в мобильном зависать: связи здесь нет, а интернета и подавно!

Заявление классной сродни удару молнии – все тут же начинают шуметь и возмущаться. Одни тянутся за гаджетами, чтобы лично удостовериться в подлинности слов Григорьевны, другие проклинают день, когда согласились сюда приехать. Я же непроизвольно оборачиваюсь. Я был уверен, что Ильина ухватила счастливый билет и вовремя смылась, даже немного завидовал ей, но, глядя на то, как понуро она замыкает нашу компанию и шмыгает веснушчатым носом, понимаю, что выхода нет – нам придётся пройти этот чёртов квест вместе, чтобы вернуться.

Глава 8. Клоун

Лера

Падать всегда больно, и не важно, споткнулся ты и приземлился голыми коленками на неровный асфальт или, как я, в очередной раз сел в лужу.

Я снова прячусь от мира за капюшоном толстовки в самом дальнем углу «пазика». Уже не плачу. Наоборот, улыбаюсь своей чёртовой глупости. Я идиотка! Мало того, что ради этой поездки я окончательно испортила отношения с предками, так ещё и поссорилась с Джо. Он меня предупреждал, что так не бывает, бился головой об толстый лёд моего влюблённого сердца, до последней минуты отговаривал от глупой поездки, словно чувствовал, чем она обернётся для меня. Но разве я услышала?

Перед выходом и ему, и отцу наговорила лишнего, и что теперь?

– Поднимите руки, кто взял термос! —Голос Ирины Григорьевны настолько громкий, что заглушает собой дребезжание старенького автобуса и бесконечный гул чужой болтовни.

У меня с собой два – для себя и Егора, а ещё бутерброды с ветчиной, сухарики и пауэр-банк для мобильного, но я молчу. Какой от всего этого теперь толк? Мне не нужен ни чай, ни еда, ни квест... Всё, чего я хочу – вернуться домой или, по крайней мере, туда, где ловит связь, чтобы попросить прощения у Джокера. Но разве удача меня любит? Ответ очевиден: нет.

Прислонившись лбом к прохладному окну, я бессмысленно смотрю вдаль. Старые деревеньки, голые поля, узкие речки и дорожные знаки сменяются бесконечными лесами. Вот оно, моё наказание! Я так боялась ехать с отцом за грибами, столько обидного наговорила ему утром, а теперь мне и самой светит провести целый день среди ёлок и абсолютного игнора.

Позорная слезинка всё же спешит скатиться по щеке. Хорошо, что никто не видит... Мои слёзы – как мёд для озверевшей души Кротова, а я не хочу кормить хищника. Ненавижу его, как никогда раньше! А ещё... ещё совершенно не чувствую былой любви к Лихачёву. Как отрезало. Впервые мне противно смотреть на его длинную чёлку, да и в голубых глазах Егора отныне вижу лишь пустоту и гниль. Спорить на живого человека – низко и подло! Этому нет объяснений и оправданий! Да и вина всецело лежит не на том, кто предложил, а на том, кто согласился на проклятый спор – на Егоре...

Lera [06.09 09:45]: Прости. Ты был прав, я – глуха. Мне так больно, Джо, не представляешь! Они просто поспорили. Просто на меня. Клоун предложил, а Он согласился. Видел бы ты, как легко Он отказался от меня, стоило правде всплыть, небрежно столкнул в чан с дерьмом, как крошки со стола на пол! Ты верно сказал: любовь – это порок сердца, ОРЗ души. Кажется, я излечилась, Джо... мне ампутировали и то, и другое...

Lera [06.09 09:54]: Ты просил тебе писать, но здесь не ловит. Совсем. Мои сообщения висеают где-то между мной и тобой. Но я, если ты не против, всё равно буду писать. Иначе сойду с ума в этом аду.

Lera [06.09 09:58]: За окном дождь, и вообще сегодня очень холодно. Но тут, в салоне автобуса, душно – от трели чужих голосов, дебильных шуток и бесконечного равнодушия. Ты знаешь, как я ненавижу лес, но поверь, сейчас я бы с радостью заблудилась в самой его глуши, лишь бы не здесь, со всеми!

Lera [06.09 10:11]: Мне хочется выть, Джо! Боль не отпускает. Внутри всё трещит по швам, стоит взглянуть на них. Клоун спит как ни в чём не бывало, а Он смотрит на Машу, которая сидит в компании Ведьмы, и улыбается – не мне. Ей. Помнишь, ты рассказывал, как отчим бьёт твоего брата. Что ж, поверь, меня тоже только что избили. Правда, ссадины не на коже, а куда глубже...

Lera [06.09 10:19]: Кажется, мы приехали. Здесь жутко. Джо. Если к вечеру не вернусь, знай: меня сожрали медведи.

Lera [06.09 10:23]: Дурацкая связь! Впрочем, неудивительно: нас привезли в главную дыру этого мира. Здесь даже не слышно пения птиц, и такая разруха вокруг. Жизнь ушла из этих мест лет тридцать назад, а нас зачем-то привезли.

Я делаю несколько снимков и прикрепляю их к сообщению. Но какой смысл, если оно всё равно не уходит?

Брезгливо переступаю ногами по размякшей от дождя хвое и сгнившим листьям. С ужасом смотрю на проржавевшие ворота и такую же надпись над ними «Красный Химик». Хочу закричать, что нас привезли не туда, но мерзкий скрип калитки меняет планы.

– Всем привет! – задорно голосит молодой человек, наверно, немногим старше нас, невысокий, худой, в ярко-салатовой толстовке и промо-кепке на голове. – Добро пожаловать на квест «Старый химик»! Погода, конечно, подвела, но поверьте скоро вы перестанете замечать её капризы. Ну как, готовы к приключениям?

Дремучий лес заполняется восторженными возгласами моих одноклассников. Разве подумаешь, что ещё пару минут назад они уныло проклинали саму затею приехать сюда? Но люди на то и люди, что их мнение меняется с такой же лёгкостью, как и направление флюгера на крыше: куда подует, туда и рады смотреть.

До самой базы от ржавых ворот ещё метров пятьсот. Высокие ели сменяются непролазным бурьяном, немного увядшим, но оттого ещё более неприглядным. Разбившись по парам (а больше двух человек на потрескавшемся от времени асфальте не помещается), мы неспешно идём к домикам, крыши которых начинают виднеться вдалеке. Я, как обычно, замыкаю и вопреки замечаниям классной отчаянно пытаюсь уловить сигнал.

Стас, наш сопровождающий, идёт первым и весьма громко озвучивает правила. По большому счёту, здесь нельзя ничего, особенно рыскать по заколоченным заброшкам. Он объясняет это шаткостью их конструкций, но в толпе снова бежит слухок о неких подземных бункерах и изощрённых опытах. Можно подумать, без этих страшилок здесь недостаточно жутко!

Наш корпус номер семь ничем не примечателен: обычный домик в два этажа. Серый шифер на крыше, дикие яблони по периметру, небольшая веранда и деревянная лавка возле крыльца. Стены окрашены в голубой цвет, а старые окна заменили пластиковые стеклопакеты – этакий плевок цивилизации. Внутри всё очень просто: небольшой зал с длинным столом и скамейками, вдоль стены – вешалки для одежды, чуть поодаль – подобие кухни и лестница на второй этаж. Но самое паршивое – здесь холодно, почти как на улице. Толку от пластиковых окон – ноль. Ветер сквозит сквозь тонкие стены, которые, правда, не пропускают дождь.

– Не переживайте, сейчас мигом согреемся! – подбадривает нас Стас и включает обогреватели, штук пять разом.

– А заранее их включить нельзя было? – Громова потирает озябшие ладони.

– А на втором этаже что? – басит Косолапов.

– Ничего, там пустые комнаты, – спешит с ответом Стас. – И всякий хлам.

– А что с моим вопросом? – надувает губки Уля. – Вы же знали, что мы приедем.

– Знали, – с виноватым видом кивает Стас. – Но тут с электричеством перебои. Вот только дали.

– Ну круто! – ёжится от холода Громова. – Шарага какая-то!

– Ладно вам, не раскисайте! Минут через тридцать начнём!

Дабы избежать неудобных вопросов, Стас сбегает от нас под предлогом подготовки квеста, а мы продолжаем осматриваться и согреваться кто как может.

– А туалет здесь где?

– Пацаны, айда на второй!

– У кого ещё с собой были термосы? Достаём!

Сбросив тяжёлый рюкзак с плеч, кутаюсь в любимую толстовку. Не скажу, что замёрзла, но мне неудобно. Ощущаю себя бесконечно лишней и ненужной и, наверно, поэтому выхожу

под дождь. Натянув капюшон, бесцельно наматываю круги по периметру домика, а потом сажусь на лавку и, обхватив себя руками, жду, когда этот дурацкий день канет в Лету.

Но в полную силу насладиться одиночеством мешают внезапные крики и чей-то визг.

Я никогда не была особо любопытной, но сейчас странное волнение пронесется по телу колючими иголками, да и шум внутри нашего корпуса не думает стихать. И пусть визг девчонок сменяется руганью пацанов, я всё же поднимаю с лавки свою пятую точку и возвращаюсь в домик. В нос тут же ударяет неприятный запах... Так воняет от перегоревшей проводки... Вот и наша не выдержала сразу пяти обогревателей по свою душу и задымилась ровно в тот момент, когда Громова решила подсушить промокший свитшот над одним из конвекторов.

– И чего теперь делать?

– Вот это коротнуло!

– Что за вонь! Фу!

– Наша королева подгорела!

– Надо Стаса искать...

– Громова, ты бы ещё задницей на конвектор уселась!

– Тихо! Угломнитесь! – пытается пробиться сквозь гул голосов Ирина Григорьевна. – Всё решаемо, я уверена! Пока вы проходите квест, мы с администрацией базы что-нибудь придумаем.

– А здесь есть администрация? – произношу с долей иронии, но мой тихий голос тонет во всеобщем гомоне.

– И правда, пошлите уже столовую искать! – командует Кротов. – Мы сюда играть приехали, а не в домике прозябать!

Ну, разумеется! В помещении мгновенно становится тихо. Все одобрительно кивают, допивают чай, хватают вещи, а потом шумной толпой вываливаются на улицу.

Я же сжимаю пальцами лоб и, усмехаясь, покачиваю головой: представляю, как несладко пришлось бы мне, явись причиной замыкания я, а не Уля... Всё-таки Громовой повезло! Как бы сильно я ни презирала Данилу, есть в нём какой-то стержень, он горой стоит за своих... Только я не из их числа...

– Тебе особое приглашение нужно, Ильина? – пренебрежительно бросает Кротов, больно задев меня своим каменным плечом. – Или ждёшь, когда все уйдут, чтобы рейд по чужим сумкам устроить?

Гулкий вдох, и не единого слова в ответ. Я всегда немею, когда со мной вот так – грубо, безжалостно, без причины...

– Слушай, Ильина! – Данила почёсывает затылок, разглядывая меня, как фоторобот опасного преступника. – Что с тобой не так?

– А с тобой? – Голос дрожит от слёз.

Кротов хмурит брови и, продолжая ерошить волосы на голове, криво ухмыляется.

– У тебя вши? – С губ срывается первое, что приходит на ум. Мне осточертело молчать. – Ты поэтому такой злой? Чешется всё? Так ты в аптеке спроси, и тебе помогут...

Понимаю, что только что подписала себе смертный приговор, а потому непроизвольно пачусь к выходу. Бежать без оглядки! Но куда там? Замираю, как грёбанный кролик, под гипнотическим взглядом удава... тьфу, Данилы...

– О! А ты, я смотрю, отвечать научилась, Ильина! – скалится Кротов, а у самого в глазах бушует неприкрытая ярость. – Так, я тебя быстро заткну!

Да кто бы сомневался! Шумно сглатываю, едва удерживая равновесие на ватных ногах... А потом внезапно понимаю: погибать, так с музыкой!

Сжимаю кулаки, до боли свожу лопатки и улыбаюсь – через силу, вымученно. А потом тяну до тошноты приторным голосом:

– С себя начни, Кротик!

За бешеным гулом собственного сердца не слышу ничего вокруг: ни шагов классной, зачем-то вернувшейся в корпус, ни её замечаний в наш адрес... Мне дико страшно, но в то же время до одури всё равно: я свою прививку боли получила ещё утром – куда уж хуже!

– Ты ответишь мне, Ильина, за каждое слово! – угрожающе рычит парень, сверкая зубами. А я отчаянно ловлю приоткрытыми губами воздух, отравленный запахом проводки, и мотаю головой: я наперёд ответила за всё, теперь очередь Дани.

– Кротов, у тебя сегодня, что, официальный день разборок? – Фигура Ирины Григорьевны так вовремя вырастает между нами. – Тебе парней уже мало? На девочек перекинулся? А ты, Ильина, чего тормозишь? Ну-ка быстро метнулись кабанчиками к столовой – вас одних ждут!

Нам обоим ничего не остаётся, как покорно кивнуть. Но если я продолжаю тупить, то Кротов резво срывается с места и в два счёта вылетает за дверь.

– Нашла с кем воевать, Лера! – прикрыв глаза, озабоченно вздыхает Ирина Григорьевна. – Ладно, пошли! Нехорошо заставлять других себя ждать.

Фальшиво улыбаюсь, чтобы скрыть слёзы и проснувшийся так некстати страх, а потом иду следом за Ириной Григорьевной к проклятой беседке, не чувствуя холода, не замечая дождя, с трудом ориентируясь в пространстве. Уговариваю себя не бояться и даю слово держаться учителя: так меня не тронут – не посмеют. Но удача, видимо, решает окончательно отвернуться от меня.

– Ребята! Послушайте внимательно! – стоит нам подойти ближе к оголтелой толпе подростков во главе с Кротовым, как Ирина Григорьевна весьма быстро умывает руки. – Дальше вы проходите квест без меня!

Сердце уходит в пятки, а желание бежать со всех ног кувалдой бьёт по вискам. Что я наделала! Где мне взять силы пережить этот день, если от одного только взгляда Дани меня здесь и сейчас бросает в дикую дрожь?!

Едва справляясь с волнением, заставляю себя дышать. По привычке прячусь за чёрной тканью капюшона и мысленно готовлюсь к новой порции унижений. Но подоспевший к нашей компании Стас, сам того не ведая, дарует мне минуты отсрочки.

– Все собрались? Все готовы? – Его глаза сияют азартом, а костюм сумасшедшего химика невольно притягивает взгляды: белый халат, очки, грим – глупости, но те позволяют мне незаметно слиться с окружающей нас серостью, а потом спрятаться за углом столовой. Этот квест совершенно точно не для меня!

Сжавшись в комок, я прислоняюсь в посеревшей стене заброшенного здания и жадно впитываю каждый звук со стороны веранды. Стас говорит что-то об опытах и сотворении волшебного эликсира счастья; пытается втереть нашим, что именно его они и будут создавать, собирая необходимые ингредиенты по ходу прохождения квеста, а потом уводит толпу за собой к первому испытанию.

Я наконец выдыхаю, а спустя минут десять, а то и двадцать, решаюсь выйти из укрытия: сидеть за столовой, быть может, и безопасно, но слишком холодно. Силась вспомнить дорогу до нашего корпуса, озираюсь по сторонам. Плутаю по корявым тротуарам от домика к домику. А когда среди всей этой разрухи замечаю двухэтажное голубое здание, со всех ног несусь к нему. В уме проговариваю, что скажу классной, как буду ссылаться на свою бестолковость и объяснять, почему отстала от остальных, но все мои старания рассыпаются бисером под ногами, когда понимаю, что корпус закрыт.

Я дёргаю дверь, стучу, зову Ирину Григорьевну, но ответом мне служит тишина...

Продрогнув до костей, я кутаюсь в толстовку и, поджимая пальцы в промокших кроссовках, переступаю с ноги на ногу, а потом каменею, заслышав вдали некогда любимый голос Егора.

Его нарочито сладкий баритон становится всё громче, но сколько бы я ни вертела головой, разглядеть Лихачёва и его собеседника мне не удаётся. Впрочем, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, с кем Егор может говорить. От одной только мысли, что рядом с Лихачёвым идёт Данила, мне становится не по себе. Страх, который только-только начал уступать дорогу холоду, с новой силой сдавливают лёгкие. Я срываюсь с места и судорожно ищу, где спрятаться, но ничего лучше яблоневого сада не нахожу... А уже в следующее мгновение понимаю, что разговаривал Егор не с Данилой. Его спутница – Громова, и судя по тому, как нежно переплетены их ладони, разговорами молодые люди уже давно не ограничиваются.

Как и я, сладкая парочка, по всей видимости, улизнула с квеста и сейчас норовит попасть внутрь корпуса. Уля канючит, что замёрзла и вся эта походная жизнь не для неё. Егор ласково касается кончиком носа шелковистых волос Громовой и что-то шепчет ей на ухо – нежно, заботливо. А я едва справляюсь со рвотными позывами. И вроде должна испытывать чувство небывалого удовлетворения, что бумеранг вернулся и со всей дури угодил в рожу Кротова, но людская подлость не оставляет места радости. Мне жалко себя – полную дуру, которая все эти годы боготворила Лихачёва, а сегодня, с ног до головы облитая помоями, вынуждена прятаться по сырым кустам, обидно за Машу, которая считает Громову лучшей подругой и слепо доверяет ей все свои тайны...

Ошарашенная увиденным, я совершенно забываю о конспирации. Да и ветки яблонь – то ещё укрытие! Стоит случайно ухватиться не за ту, как предательский треск сухой древесины, вынуждает парочку резко отскочить друг от друга и испуганно обернуться в мою сторону.

Что ж, сегодня явно не мой день!

– Ильина? – Егор заметно расслабляется.

В моём лице он не видит угрозы своему доброму имени, и наверно, в чём-то прав: даже если открою рот, мне всё равно никто не поверит.

– Ты? – брезгливо морщится Громова, а потом начинает смеяться: – Решила сменить запах чеснока на аромат прелой листвы?

– Чеснока? – недоумевает Егор, пока воспоминания двухлетней давности до крови царапают душу.

Загородный дом. День рождения Лихачёва. Пышный праздник. Егор тогда позвал к себе почти весь класс, даже новенького пригласил.

– Забыл? – выгибает брови стерва. – Ты же сам мне рассказывал, как наша чувырла наелась чеснока и давай к Даниле с поцелуями приставать?

– А, это! – усмехается Лихачёв, пока я, глядя ему в глаза, отчаянно повторяю короткое слово «ложь». Но он притворяется, что не слышит. – Так то не чеснок, вроде, был, а тухлая рыба.

Егор находит своё замечание смешным, а я бегу со всех ног. Куда – не важно, лишь бы больше никогда не вспоминать...

Мокрая трава, разбитые бордюры, домики, в своей разрухе похожие один на другой. Я задыхаюсь от нехватки кислорода и острой боли в боку, но сквозь туман проклятых слёз и бесконечной мороси продолжаю бежать. Однако, чем более размытыми становятся очертания корпусов, тем острее в сознание вливается понимание, что от себя не спрячешься.

Согнувшись пополам, упираюсь ладонями в коленки и прерывисто дышу. Сердце клокочет, память отравой циркулирует по венам. Я тихо скулю, безвольно возвращаясь в прошлое, а потом замечаю покосившуюся сторожку возле забора и зачем-то иду туда. Дверь заколочена, крыльцо прогнило до дыр, повсюду мусор и старый хлам. Грязные осколки вместо окон угрожающе торчат из обшарпанных рам. Жуткое место, причем, как и вся моя жизнь.

Ума не приложу, что делать дальше: вернуться – не вариант, остаться здесь – сгинуть без следа. И всё же я решаю остаться...

Из кармана выуживаю мобильный и, усевшись на старый пенёк чуть поодаль от сторожки, пишу моему Джо. Знаю, что не прочтёт, что сообщения снова повиснут в воздухе, но в эту минуту как никогда мне нужен рядом друг.

Lera [06.09 13:52]: Мне было шестнадцать, как тебе сейчас. Я была наивной и верила в любовь. Впрочем, с тех пор мало что изменилось – я всё такая же дура.

Lera [06.09 13:59]: Маша уговорила меня надеть короткое платье, не в меру откровенное, даже вульгарное. Но тогда я хотела, чтобы Он меня заметил. Мой первый поцелуй я мечтала подарить имениннику, но нам обоим не хватало смелости. Робкие взгляды, смущённые фразы, горящие от стыда щёки... Мы смеялись и громко болтали с другими, но стоило нам оказаться рядом, как мы безумно робели. Первый шаг – всегда за мужчиной, так меня воспитали, а потому, кусая губы и не сводя с Него глаз, я ждала. Вот только ничего не происходило...

Рукавом толстовки смахиваю слёзы и, отметив про себя, что дождь перестал, снова пишу Джо.

Lera [06.09 14:18]: Шестнадцать – беспомощный возраст. В голове столько знаний, но все не о том... Я лучше отца разбиралась в геометрии и могла наизусть прочесть Блока, но что делать с сердцем, разрывающимся от любви, не знала. Боялась упустить свой шанс. Торопила чёртову жизнь. И оступилась.

Запрокидываю голову к серому, низкому небу. Смотрю, как верхушки сосен качаются на ветру, и всё никак не решаюсь написать о главном: признавать свои ошибки всегда непросто, а в моём случае ещё и бесполезно.

Lera [06.09 14:46]: Глупая игра. Пустая бутылка из-под колы. Длинное горлышко с корявым сколом по краю. Оно промахнулось и указало не на того.

Lera [06.09 14:52]: Я до последнего ждала, что Он меня остановит, пользуясь своим авторитетом, заставит новенького сесть на место. Искала защиты в любимых глазах, но Он струсил, а быть может, не захотел. Сам закрыл за нами дверь кладовой и ушёл. Я была зла, расстроена и, не скрою, растеряна. Клоун стоял напротив меня и, казалось, тоже не находил себе места. Две минуты наедине. Спутанное дыхание. Безумная неловкость натянутой до предела струной. Что я знала тогда об этом парне? Ничего! Скромный, тихий, неуверенный. Он только пришёл в наш класс. К нему все присматривались, изучали. А мне не было до него дела.

Я нажимаю «Отправить» и грустно смеюсь: с таким же успехом я могла поведать свою историю ёлкам. Натягиваю пониже рукава, чтобы унять дрожь в озябших ладонях, и с досадой осознаю, что хочешь не хочешь, а вернуться придётся. Давать лишний повод для сплетен своим одноклассникам не хочу, да и Ирину Григорьевну подводить неохота. Поднимаюсь с трухлявого пня, кручу головой по сторонам, но вот незадача: куда идти, не помню.

Lera [06.09 15:05]: Я, кажется, заблудилась.

Lera [06.09 15:10]: А может, это повод всё тебе рассказать?

Lera [06.09 15:22]: Я тогда сразу предупредила Клоуна, что целоваться с ним не буду. Да что там – меня коробило от одной только мысли, что моих губ могут коснуться чужие, нелюбимые. Клоун кивнул, а потом попросил соврать... Мы оба понимали, что, скажи я правду, и его засмеют. И я солгала... Не знаю, пожалела ли новенького или так сильно хотела разбудить в Нём ревность, но факт остаётся фактом: мы вышли из чулана, держась за руки. На губах Клоуна виднелись следы моего нежно-розового блеска для губ, а с моего лица не сходила глупая улыбка. Все поверили, даже Он. В Его глазах было столько боли, что я готова была раскрыть обман. Но Клоун оказался куда проворнее...

Я отключаю телефон – больше ни слова! Всё, что случилось потом – расплата за мою глупость. Верить людям нельзя – никогда, ни при каких обстоятельствах! Этот урок я должна была запомнить навечно, но стоило Егору снова поманить меня за собой, как я бездумно полетела в пропасть.

В лесу темнеет не на шутку быстро. Всего начало четвёртого, но здесь, среди сосен-великанов и раскидистых елей, по-вечернему неуютно, да и, что греха таить, страшно. Каждый шорох, любой треск – наждаком по нервам. Уже не знаю, дрожу ли я от холода или от предчувствия неизбежной беды, но, когда сквозь шумное биение собственного сердца различаю чьи-то шаги и гул голосов, едва не валюсь с пня.

– А что здесь раньше было? – звонким колокольчиком доносится до моих ушей вопрос нашей отличницы Колупаевой. Господи, могла ли я подумать, что так рада буду её услышать?!

– Домик местного сторожа! – не без гордости заявляет Стас, а по мере приближения к избушке добавляет: – Если верить карте, то именно здесь спрятан последний ингредиент.

– Точно, ребят, ищем поваленное дерево или пень!

Пожимаю плечами: что его искать – он прямо подо мной! А потом понимаю, что, найди они этот проклятый пень, и не миновать расспросов и издевок. А потому вскакиваю как ошпаренная и во все глаза смотрю на трухлявую развалюху. Что должна увидеть, не знаю, но когда замечаю запутанный среди корней кусок полиэтилена, который всё это время я принимала за обыкновенный мусор, со всей дури тяну его на себя, а, обнаружив завёрнутый в нём пузырёк с какой-то фиолетовой жидкостью, выскакиваю к остальным.

– Не это ищите? – Я изворотливо смешиваюсь с толпой.

Нет, разумеется, ловлю на себе подозрительные взгляды одноклассников – я не проходила дурацкий квест, но, уверена, никто особо и не заметил моего отсутствия. Тем более все уже изрядно устали от скитания по территории базы, а потому несказанно радуются возможности поставить жирную точку в химических приключениях.

– Ну наконец! Теперь обратно? – ноет Аня Егорова.

– А можно эликсир счастья променять на стакан горячего чая? – вторит ей Голубева, уже вся скукожившаяся от холода.

– Ильина, ты наша спасительница! – басит Косолапов и ловко выдёргивает из моих рук недостающий элемент.

– Всё, ребята! Возвращаемся на базу! – под одобрительные возгласы скандирует Стас, и все тут же спешат за ним. И я не исключение!

Обхватив себя руками, я по привычке плетусь в хвосте. Из-под объёмного капюшона украдкой поглядываю на одноклассников и радуюсь, что всё обошлось. Представляю, как достану термос из сумки и с каким аппетитом слопаю бутерброд, а потом сяду в старенький «пазик» и вернусь домой. Но тихий шёпот Кротова сквозь толстую ткань капюшона обжигает затылок, решительно напоминая, что до финала ещё далеко.

– Ильина, ты ли это? А я тебя обыскался! – подлой гадюкой шипит урод за моей спиной. – Думал, штанишки обмочила со страха. Хотя о чём это я? – тошнотворно ржёт. – Ты же и так пряталась тут от меня. Одна в лесу.

Молчу, как обычно, делаю вид, что слова Кротова ни капли меня не трогают, и продолжаю идти за толпой. Вот только Даниле всё мало.

– Что, Лера, даже волкам ты пришлась не по вкусу?

Торможу, резко, внезапно, а потом оборачиваюсь к Кротову.

– Запах чеснока отпугнул! – Мой пропитанный болью голос звучит безжизненно и грубо, примерно так же, как у Кротова, когда за углом школы он травил пацанам байки обо мне, в деталях описывая наш несуществующий поцелуй. В тот день, чтобы взобраться на вершину, он утопил меня в зловонном болоте, от грязи которого я до сих пор не могу отмыться.

- Хм! – уголком рта улыбается Данила. – Тогда и я, пожалуй, отойду, а то провоняю ещё!
- От тебя и так за версту несёт, Кротов!
- И чем же, Ильина?
- Неудачником! – Вздёрнув подбородок, смело смотрю в его прищуренные глаза цвета бездонной лужи, а потом улыбаюсь, вспоминая о бумеранге, и, наигранно вдохнув, морщусь:
- Чувешь? Пахнет растущими на твоей башке рогами, Кротов!

Глава 9. Всегда сворачивай направо!

Лера

Лесные тропы постепенно сменяются потрескавшимся асфальтом, а впереди всё отчетливее виднеются разноцветные домики из числа тех, что успели отремонтировать. Я всё так же плетусь за всеми в самом конце. Грею руки в карманах джинсов и спасаюсь от ветра за чёрным капюшоном. Отсчитываю шаги до окончания этого дурацкого дня и мысленно благодарю небеса, что послали мне Лёшу Косолапова как спасение... Если бы не наш здоровяк, ещё неизвестно, что бы сделал со мной Кротов. То, как Данила скрипел зубами, уловив ход моих мыслей, слишком откровенно намекало на то, что я перешла черту. Впрочем, мне, кажется, понравилось!

Ловлю себя на мысли, что улыбаюсь: недаром месть называют сладкой! Кротов слишком долго вытирал об меня ноги, а потому уничтожить его или хотя бы обмакнуть лицом в вонючую грязь – теперь дело чести, тем более в моих руках шикарный козырь.

– Что значит «закрыто»? У нас там вещи! – Жалобное нытьё Егоровой вырывает меня из мечтаний.

Я и не заметила, как всей гурьбой мы подошли к нашему корпусу, на дверях которого по-прежнему красуется замок.

– Мы замёрзли!

– Да давайте взломаем дверь, к чертям!

– Лёш, тебе бы только всё ломать!

– Тише, ребята! – оживляется Стас. – Сейчас всё узнаем!

– Да чего тут узнавать! – В нашу компанию незаметно вливаются Егор и Уля, и пока Лихачёв своими заявлениями концентрирует внимание класса на себе, Громова незаметно присоединяется к Маше. – Домик наш более непригоден для жизни: тепла нет, света тоже.

– Это всё из-за Громовой!

– Погоди, но там же наши вещи!

– А Ирина Григорьевна где?

– Может, тогда в автобус, и по домам?

Ребята со всех сторон заваливают Егора вопросами. Стас суетливо озирается и, кусая губы, соображает, что делать: сегодня многое идёт не по плану, да и чувствуется, парень от нас изрядно устал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.